



Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования
при Отделении общественных наук РАН

Семинар «Цивилизационный контекст
и ценностные основания российской политики»

Глобализм и цивилизационная идентичность России



*Материалы
постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 2 (11)

Москва
Научный эксперт
2008



УДК 323(470+571):001
ББК 66.1(2)6
Ц 58

Научный руководитель семинара: А.И. Неклесса
Соруководитель семинара: С.С. Сулакшин

Научно-редакционный совет:

В.И. Якунин (председатель), В.Э. Багдасарян,
В.В. Журавлев, А.И. Неклесса, А.И. Соловьев,
С.С. Сулакшин, А.Н. Чирва

**Ц 58 Глобализм и цивилизационная идентичность Рос-
сии. Материалы научного семинара. Выпуск № 2 (11).**
М.: Научный эксперт, 2008. — 112 с.

ISBN 978-5-91290-026-6

УДК 323(470+571):001
ББК 66.1(2)6

Наш адрес:

*107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
http: www.rusrand.ru*

ISBN 978-5-91290-026-6

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования при Отделении
общественных наук РАН, 2008

Содержание

А.И. Неклесса. Вступительное слово
научного руководителя семинара 6

Тема семинара

Глобализм и цивилизационная идентичность России 8

Доклад

В.В. Ильин. Сценарии будущего для России 8

Доклад

В.Г. Хорос. От глобализации нельзя отгородиться..... 34

Вопросы к докладчикам и ответы..... 47

Выступления..... 59

А.А. Галкин. Тенденции и контртенденции
в прогностических сценариях..... 59

А.И. Соловьев. Контуры будущего
просматриваются слабо..... 63

В.М. Межуев. Глобальное и локальное
в современном мире 67

А.Л. Андреев. Будет ли в России дееспособная
и адекватная элита?..... 82

С.С. Сулакишин. О природе национальной идентичности..... 86

Л.И. Никовская. Россия пронизана духом Востока 90

<i>В.П. Булдаков.</i> Сценарии против «врагов» России как сценарии против будущего России	96
<i>Заключительное слово докладчиков</i>	103
<i>В.В. Ильин</i>	103
<i>В.Г. Хорос</i>	105
<i>Тематическая программа научного семинара на 2008 г.</i>	107
<i>Список участников семинара</i>	108



У. Блейк. Создание Адама. 1795 г.

Вступительное слово научного руководителя семинара

А.И. Неклесса

Уважаемые коллеги, на обсуждение выносится тема «Глобализм и цивилизационная идентичность России». Мы живем в период становления некоей новой формы социальной организации на планете. Ее определения — постиндустриализм, информационное сообщество, глобализация, постмодерн, постсовременность — постепенно сливаются, очерчивая контур нового статуса человечества. При этом термин «глобализация» используется фактически как ярлык, обозначающий целый комплекс актуальных социальных новаций, подчас независимо от их характера, генезиса, следствий.

Вторая составляющая сегодняшнего обсуждения — перспективы цивилизационной идентичности России в новой системе координат. Цивилизационная идентичность в период масштабных перемен — это всегда проблема, но здесь добавляется то обстоятельство, что мы живем в новом государстве — России-РФ, по ряду параметров отличном как от Российской империи, так и от СССР. В новой человеческой Вселенной — мире чрезвычайно динамичном, иначе структурированном, нежели политический космос модерни, — особое значение приобретает весьма специфичный ресурс: социокультурная гравитация. И, возможно, будущность России окажется сопряжена не столько с ее территорией в современных границах, сколько с тем, удастся ли создать интенсивную цивилизационную связность, ту особую «гравитацию», которая способна удерживать в разбегающихся пространствах постсовременного и многомерного мира культурно-историческое сообщество. Если же этого не произойдет, то находящаяся в динамическом состоянии мозаика русского мира, вероятно, начнет концентрироваться вокруг иных, причем весьма различных социокультурных центров притяжения.

А.И. Неклесса. Вступительное слово научного руководителя семинара

Позвольте теперь предоставить слово нашим сегодняшним докладчикам — Виктору Васильевичу Ильину, заведующему кафедрой философии МГТУ им. Баумана, и Владимиру Георгиевичу Хоросу, руководителю Центра проблем модернизации ИМЭМО РАН.

Тема семинара

Глобализм и цивилизационная
идентичность России

Доклад

Сценарии будущего для России



В.В. Ильин, доктор философских наук

*Живем, бредем и медленно седеем...
Плетемся переулками Пасси
И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси!*

В художественно незатейливых, номинально непритязательных, но политически реально язвительных строках Дон-Аминадо — сомнения в возможности вынести нелегковесное квалифицирующее суждение о национальном предстоящем. Сомнения во многом оправданные, но не всеобъемлющие. Положительное назначение познавательного предвосхищения будущего — исходя из тенденций, обозреть порядок становления, просмотреть возможности, отследить вероятности укоренения реалий. В конце концов, предупрежден — значит предостережен; предостережен — значит вооружен.

Отечество обязано жить (а не выживать и тем более прозябать) как страна народа (а не элиты), как страна потомков (а не временщиков). Призвание России, благо России, путь обретения коего, — уловление знамений, веяний социальной динамики. Каковы они? Воспользоваться ли данными

прогноза или пренебречь ими, целиком и полностью оставляется на усмотрение властей и народной воли. Прогноз не предрешает, он информирует. Требовать от него чего-то большего — означает входить в сугубое заблуждение. Но тем и полезен. Кто владеет информацией и правильно распоряжается ею, — владеет миром.

После этого предварения приступим к обозначению возможных сочетаний тенденций настоящего, имеющих шанс материализоваться в будущем.

Миссионизм. Идея державного задания, поручения, надмирного назначения России красной нитью проходит сквозь отечественную культуру, беря истоки в идее киевского духовного лидера Илариона об особой роли «свежего духа» русского народа, на который после крещения снисходит божественная благодать. Вследствие «этого» настойчиво требуют разрешения многообразные порывы обрести приветную долю в спасении то славянства, то Европы, то мира.

«Люди склонны забывать, что именно неожиданное чаще всего сбывается в истории», — замечает Брюсов. Стремление преодолеть реалии «призванием» дает толчок многим самым неожиданным последствиям, среди которых — любовь к дальнему; близорукое самопожертвование во имя очередного «чего-то такого»; торжество революционной «стихии безумия»; неуважение к минувшему; учение собой; смотрение из вечности; прибегание к отчаянным средствам; баррикадное мышление; взвинченность гражданского воображения; культовость политических союзов; право судить других; неуважение к человеческому достоинству и прочая, и прочая, и прочая.

В итоге — пренеприятнейшие явления:

- комплекс Эдипа — люди оказываются заложниками самосбывающихся пророчеств (в социуме прогнозы влияют на воплощение предсказаний);
- комплекс первопродчества — люди оказываются заложниками извечного странничества по цивилизации.

Рычаг преодоления такого рода несообразий хорошо известен. Это — критика, основной пафос которой — «негодование», основное дело — «обличение» (Маркс). Негодующая и обличающая критика — именно она освободит нас, наконец, от плена ложных идей, опрокинутых жизнью мертвых принципов.

Духовное окормление. Долгосрочное достоинство России для мировой цивилизации усматривается в проникновенном, завораживающем внутреннем катарсисе: многострадальный колосс опытом собственного очищения в бесчисленных национальных испытаниях, страданиях, прозрениях обогащает народы некоей правдой жизни.

Вот уж действительно *non multa, sed multum*. «Страдание», «очищение», «прозрение» и т. д. в макросоциологическом отношении, во-первых, пусты, а во-вторых, опасны созданием прецедента этакого отшельничества, пустынночества, бесконечной потерянности, одиночества.

Русский народ, тонко подмечал Бунин, «взывает к богу только в горе великом»¹. Ни возродить, ни преобразить, ни интернационализировать Россию молитвой невозможно. Сверхзадачей России была и остается — обрести себя в себе самой. В этом перспектива достижения ею искомого достоинства и свободы.

Говоря принципиально, национальное сознание, т. е. осознание собственного культурно-исторического своеобразия, предполагает выработку мироустроительной идеи. Между тем последняя не может конструироваться на отрешенных постановках — кто вершит будущее глобального мира: баловни судьбы или страдальцы? к кому расположено провидение?

Этические экзальтации в духе евангелия от Матфея «пре-терпевший же до конца — спасется» — в макросоциологии, как правило, вредны. Подлинная головоломная проблема состоит в глубокой, поднятой Броделем теме: «Карты в ис-

¹ Бунин И.А. Окаянные дни. Спб., 2000. С. 61.

тории, — констатирует он, — пересдают не один раз, но довольно редко, и козыри имеют привычку липнуть к одним и тем же рукам». «Есть нечто, — обостряет В. Соловьев, — называемое судьбой, предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный», — в силу этого «действительного» предмета спрашивается:

- чем определяется передача карт в истории?
- почему козыри имеют привычку липнуть к одним и тем же, но не российским рукам?

Мессианиззм. В психоментальности российского типа — прочно укорененный вождизм, культовость, преклонение перед властью, почитание ее агентов. У нас восприятие власти не функционально, а сакрально. Возвеличение власть держащих исключает налаживание властедетельности как сугубо легальной, легитимной, институциональной. Несвободная от самонадеянности корыстная элита время от времени подпитывает миф о пестуемом ею спасителе. Так учреждается феномен, отталкивающий рациональное понятие ролевой формы, значение которой определяется набором отношений координации и субординации в ее должностных связях с себе подобными формами.

«Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим»². Можно чтить заслуги (на поверку небесспорные), но в идеале в гражданском зодчестве не допускать всесторонне исчерпавший кредит доверия вождизм.

Псевдоромантические мечты о «выдающихся ... без которых ...» давно пора решительно и бесповоротно сдать в архив. Им правильно противопоставить правовую процедуру ротации власти по санкциям народа. Обратив внимание на данный момент обязывает простор приказно планируемой риторики о необходимости продления срока полномочий.

Сказанное укрепляет ощущение тревоги, что Россия в очередной раз может попасть в ловушку волюнтарного авторитаризма. Невыполнение формальных регламентов пре-

² Притч. 14; 15.

бывания у власти руководства субъектов федерации (фактически при лояльной реакции центра провинциальная власть пожизненна и даже наследуема) создает прецедент изменения общегосударственного властного регламента. Признаки движения в данную порочную сторону наметились. Их способна нейтрализовать лишь высокая мера нравственно-общественной силы, отстаивающей легитимную культуру формальной (без преемников) передачи власти ее заслуживающим.

Союз постэкономической (Россия) и доэкономической («третий мир», Юг, развивающиеся страны) организаций. Возможность квалифицируется нами как нереалистическая. Миссианские мотивы нравственно-религиозной фундаментальной преимущественности России при глобальном моделировании должны быть исключены из рассмотрения как иллюзорные. Во-первых, Россия духовно неоднородна; во-вторых, каких-то явных цивилизационных достоинств перед мировым сообществом по психоментальному основанию она не имеет; в-третьих, постэкономический человек в России пока не сложился — для этого тут недостает продуктивной культуры; в-четвертых, предтечей проекта являются обстоятельства 60–80-х годов XX столетия, когда СССР содержал «второй» и «третий» миры; чем это завершилось, хорошо известно. Россия не может позиционироваться заводом, вырабатывающим всеобщее счастье.

Социализм. У Чаадаева есть мысль: социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники. Как продемонстрировало время социалистического строительства в советскую эпоху, социализм силен социально ориентированной государственностью. Возрастание роли государственного участия в общественном жизнепроизводстве очевидно. Взять лишь долю госсектора в экономиках развитых стран — она впечатляет: в США — 30%; Австралии и Японии — 34%; Германии — 37%; Великобритании — 39%; Франции — 46%; Швеции — 61%.

В.В. Ильин. Сценарии будущего для России

Невзирая на сказанное, неискоренимым пороком социализма остается нерешенность стратегических гражданских задач:

- основной экономической задачи — достижение более высокой производительности труда (вспомним ленинское: залог успеха социализма — «более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом»³);
- основной политической задачи — достижение народовластия (народная выборная власть подменена диктатурой партии и ее вождей);
- основной инновационной задачи — соединение преимуществ социализма с эффектами НТР;
- основной гуманитарной задачи — рост человека, человеческое развитие (фактическая деиндивидуализация — небезызвестный герой Платонова умер от истощения, готовя труд: «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия»).

Трагический опыт социалистической утопии (как отмечал Богданов, социалистический казарменный строй есть атмосфера миража, где «смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление»⁴), граничащий с безумием (неистовство социалистического насилия несомненно переходит черту разума), фронтально дискредитирован. Вопреки коммунистической доктрине совершенно ясно: советский социализм не является проявлением неизбежного в жизни. Потенциальным новым архитекторам данного строя предстоит изобрести пока что неведомую терапию имманентной непроизводительности, затратности, дефицитности, сервильности, неконкурентоспособности первой фазы коммунизма, отчего, собственно, она развалилась.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 187; также см.: Т. 39. С. 13.

⁴ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 344.

Бессобственничество. Экономика лоббирует рынок. Но рынок инициирует социально-экономические дисбалансы. Один путь, как утверждалось, — прогресс этатизма. Другой — переход к бессобственническому социуму через упорочение информационной цивилизации. Ход остроумный, но утопичный. Во-первых, трудно перестроить собственническую природу (тем более в условиях общества потребления) человека. Во-вторых, ни один знак не свидетельствует о складывании новой архитектоники труда как творчества. В-третьих, для России, где уровень приобщения населения к Интернету едва достигает 3%, где низка культура труда и мощен слой маргиналов, перспектива замещения труда творчеством, выглядит вычурным прожектерством.

Конвергенция. Теперь уже не капитализма и социализма, а развитых стран в противовес развивающимся с оформлением культурного государства и ассоциаций (союзов) государств. Реальные противовесы проекта — атавизмы блоковой политической ориентации, отсутствие доброй воли, интенции ущемить Россию, угроза точечной войны изгоев цивилизации против ее ядра на его территории.

Коммуникации. Величие России будет прирастать не только образованием, культурой, но и активизацией мобильности, совершенствованием коммуникаций. Во-первых, следует обрести транспортную независимость, переориентировавшись на собственные инфраструктурные возможности (бюджет Латвии на j формируется за счет наших выплат по транзиту сырья). Во-вторых, следует нетрадиционно подойти к проблеме развития коммуникационных сетей и как к рычагу модернизации (коннотации реформ Витте), и как к рычагу приобретения геополитической значимости (коннотации эпопей КВЖД и ЮКВЖД, трансфриканской, багдадской (недостроенной) магистралей). Стратегически их должно поддерживать налаживание речной судоходной инфраструктуры. Так оформится параллельно-меридиальная транспортная система транзитов. Роль параллельных ком-

В.В. Ильин. Сценарии будущего для России

муникационных артерий возьмет на себя ЖД, роль меридиальных линий — водные трассы. Ко всему этому необходимо приурочить создание шоссейных дорог в соответствии с оптимальной пропорцией 1:30 (на 1 км ЖД пути — 30 км шоссейного покрытия).

Потенциальные выгоды от сказанного прозрачны: Россия приведет свою актуализированную мощь в соответствие с территориальным потенциалом.

Давление на границу. В геополитике фигурирует рассчитываемая величина «давление на границу». По объему демографической массы, воздействующей на наш разреженный пространственный контур, Россия, не имея равных себе, пребывает в критическом положении. Намечаются экспансивные векторы захода на ее территорию, стимулируемые атлантизмом и синоизмом. В результате обнажается опасность потери влияния в Средней Азии, Закавказье, угроза отторжения Кавказа, утраты Дальнего Востока, Сибири.

Растущий пресс народов (Россия граничит с поясом держав Юга с 1,5% годовым приростом населения) возможно погасить оригинальной технологией: прилегающие пространства могут работать на Россию, а не давить на нее. Технология предусматривает интеграцию в мирохозяйственные связи посредством переноса трудоемких, вредных отраслей на сопредельные регионы. Нужно не ввозить рабочую силу, принимая сомнительные миграционные программы, а выводить производства. На мировой рынок следует выходить через бывшие республики СССР и развивающиеся страны («третий» мир).

Рубежи. Интенсивное надвигание аллохтонов (укоренение этнических нелегалов по широкому фронту от Китая до Азербайджана) вызывает необходимость обостренной реакции на проблему: еще несколько лет беспечного отношения к бесконтрольной инфильтрации на наши просторы чуждых этносов и о национальной безопасности державы можно забыть, — она потеряет контроль над значительными суверен-

ными зонами, автоматически попадающими в сферу влияния геополитических контрагентов.

Славянство. Модель масштабного славянского братства, пропагандируемую некоторыми славянофилами, еще Чичерин характеризовал «беззастенчивой софистикой». В осмысленной содержательной формулировке она имеет лишь культурно солидарное понимание. Славянский союз почитаем общностью культурно-генетического родства. Не более. Политически, державно, религиозно, прагматически славянство не консолидировано. Оно никогда не походило на сообщающиеся сосуды, наполненные одной жидкостью. История учит: долг гражданский и патриотический перекрывает долг родовой причастности и чести. Вспомним — выступления болгар в мировых войнах против России (это после Шипки!); кульбиты югославов (после ее освобождения, физического и политического спасения Тито); устойчивую неприязнь чехословаков (после 1968 г.); территориальные разделы Польши; полонизацию правобережной Украины; расстрел красноармейцев в 1920-е годы... Метафизическая линия «славянской задруги» для России неизменно отличалась затратностью. В настоящий момент и на обозримое будущее она может быть заменена линией активного сочувствия.

Хартленд. Абстрактной доктринальной формуле желательной цельности хартленда требуется сообщить нетривиальную интерпретацию. Желательность его цельности обусловлена не сырьевыми, ресурсными мотивами (в согласии с максимой классической геополитики — кто владеет хартлендом, располагает ключами от мира), а мотивами благоприятности обеспечения национальной безопасности. В створе сказанного правильно руководствоваться достаточно простыми соображениями. Восстановление единства хартленда с пользой для отечества позволит:

- реставрировать деформированное экономическое (жизнепроизводственное) пространство в границах СНГ

(утилизация раздробленных источников природных, социальных богатств);

- реставрировать деформированное оборонное пространство в тех же границах.

Благовидным предлогом решения кардинальной геополитической задачи, осуществления стратегического переворота (речь идет ни больше, ни меньше как о сценарии воссоздания империи) может быть активизация усилий в направлении оформления Евразийского Союза. Политические элиты и народы Белоруссии, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, по крайней мере психологически, к данной форме консолидации созрели. В отношении Молдовы, Армении, Азербайджана, Туркмении в случае заявления достаточно твердой, отвергающей романтические изыски, но сохраняющей барьеры этических и социальных условностей воли, вопрос может быть решен положительно. Ожидать же пока чего-то большего и лучшего (имея в виду Украину, Грузию, Балтию) означало бы предврать время.

Украина. Малопонятной, ненужной, изматывающей конфронтации Украины и России положил начало раздел древнерусского государства вследствие династической борьбы Ярослава вначале со Святополком, а затем с Мстиславом Тмутараканским. Финал — Ярослав получает правобережье Днепра, Мстислав левобережье. После смерти Мстислава Ярослав восстанавливает власть над всей Киевской Русью, но метафизический («судьбоносный») след остается. Незаживающая рана от ожога на теле народа кровоточит. Таков резонанс претензий элиты на власть для судеб державы.

Дальнейшее усугубление проблемы — многочисленные отягощения, вызванные полонизацией; вхождением правобережья (Галиции) в состав Австро-Венгрии; идеологическими дезориентациями Костомарова, Винниченко; коллаборационизмом ОУН-УПА; угаром местечкового национализма (современность). Сюжет самостийности Украины сопрягается со значительными вариациями, антироссийскую тональность

которых поддерживает неприкрытая режиссура атлантизма. Примем во внимание: на январь 2004 г. на Украине зарегистрировано 399 международных организаций, 421 благотворительное общество с международным статусом, 179 структурных ячеек неправительственных социальных организаций зарубежных государств; на проведение «оранжевой революции» США выделили 62 млн дол.

В казусах, подобных данному, беспроектная тактическая линия, — дать возможность всемерно испытать себя свободой. Украина масштабна, но технологически, инфраструктурно, инвестиционно бедна. Не займы, субвенции, субсидии, а наращивание потенциала единого экономического и геополитического пространства, утривание общности культурной, исторической, духовной, непричастной к партийно-политическим установкам, должны сделать свое животворное дело.

Атлантизм не допускает воссоединение Украины с Россией; Россия не вправе допускать сателлизацию Украины атлантизмом.

Стереотип исконной «незалежности», «самостийности» Украины как платонический идеал, движущий поведением, метафизичен. Метафизические стереотипы же, как подмечает Мур, либо могут не иметь никакого значения для практики, либо могут оказывать на нее чисто деструктивное влияние: «ибо ясно, что то, что существует вечно, не может подвергаться влиянию наших поступков; и только то, что подлежит влиянию со стороны наших поступков, может определять их ценность»⁵. В отношении Украины никакого «метафизического» оправдания автономии не находится. Если бы украинский народ, — пишет Д.Д. Муретов, — действительно восстал бы перед нами с вопросом: где Украина, то «мы ответили бы ему: мать Украина там же, где и государь великий Новгород со своим младшим братом Псковом ... она в истории великой России как незабываемая в своей прелести страница и как

⁵ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 195.

В.В. Ильин. Сценарии будущего для России

необходимое условие ее настоящего величия»⁶. Наша общая история — история единой государственности — не может быть заложницей ни индуцирующего сепаратизм переноса столицы (Новгород — Киев — Владимир — Москва — Петербург — Москва (в настоящий момент с питерским десантом)), ни питающего сепаратизм локального национализма. Им надежно противостоит выросшая из совокупного опыта державостроительства естественная заботливость великоросса о всем пространстве России, что, как предостерегал Розанов, нельзя смешивать с «алчностью души его к власти и господству, чего у этой души воистину нет и никогда не было».

Евросоюз. Любое общество, как известно, поддерживается встройкой в соответственные функциональные и институциональные ресурсные базы, обуславливающие качество социальных организаций. На данном основании в последние обособливаются ассоциации стран:

- централизованно-редистрибутивной ориентации (Египет, Китай, Московия, инки);
- торгово-денежной ориентации (торговые транзиты) (Вавилон, Финикия, города — государства Италии XIV–XV вв.; Ганза);
- индустриально-рыночной ориентации (модернизированные общества вестерна);
- рентной ориентации (доход с минимумом предпринимательской деятельности) (страны Персидского залива, отчасти Россия).

ЕС испытывает дефицит в сырье; Россия — в модернизованности. Разный тип встроенности двух фигурантов глобального мира в ресурсные базы определяет выстраивание баланса и результирующих интересов. Элементарная комбинаторика подводит к трем исходам:

⁶ Муретов Д.Д. Этюды о национализме. М., 1916. С. 38.

- ЕС, наступая на Россию, добивается преимуществ, установления корыстных диспаритетов;
- аналогичную позицию учреждает Россия;
- упрочивается консолидированная континентальная суперорганизация с антиатлантистским креном.

Движение в тех или иных направлениях предопределяет складывание альянсов.

Вариация европейского континентального конкордата крепится на второстепенных, неприметных, но могущих оказаться решающими, причинах:

- важность стабильных кооперативных связей с Россией прежде всего для младоевропейцев. Многие работоспособные производства (те же гданьские верфи) недавно принятых в ЕС стран Центральной и Восточной Европы с позиций европейских стандартов рентабельности требуют упразднения. Однако же не экономика решает все. Остаются нюансы психологического, традиционного (новый облик Польши формировался акциями судостроительного профсоюза «Солидарность») и т. д., т. е. не чисто коммерческого порядка, в урегулировании которых могла бы сыграть спасительную роль Россия;
- относительная экологическая чистота производимых Россией продуктов питания. Россия для Европы может стать уникальной базой поставки уже редких для нее экопродуктов.

Исламизм. Не разделяя конфессиональную трактовку природы цивилизации⁷, мы отдаем должное статусу мировых религий в роли инициаторов цивилизационных духовных и социальных движений. Мощнейшая сила такого рода — молодая мировая религия — мусульманство.

Мусульманство неоднородно, внутренне расслоено. С позиций интересующей нас стимуляции социальной динамики обособливаются линии **модернизма (реформизма)** — кема-

⁷ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.

В.В. Ильин. Сценарии будущего для России

лизм, платформа западника-либерала Тахи Хусейна (в России полезно действовал мыслитель-обновленец Исмаил Гаспринский, высказывавшийся за трансформацию исламских институций в рамках отечественных устоев); **традиционализма (фундаментализма)** — платформа Сейид Кутба (предводитель основанной Хасаном аль-Банной организации «Братья мусульмане» в Египте в 20-е годы XX в.); **панисламизма**, отстаиваемого Джамаль эд-Дином, аль-Афгани, Мохаммедом Абдо (пафос платформы, в сущности, — возврат к шариату, порядкам X–XIII вв.)

Политически к реформизму тяготеет Египет (которому США ежегодно выделяют 2 млрд долл.), Турция (претендент на вхождение в ЕС), Малайзия, Индонезия; к фундаментализму — Иран (муллократия), страны Персидского залива. Логику налаживания гражданской жизни серьезно отягощает влияние ортодоксии. В Иране шиитское духовенство находится в оппозиции светской власти. В суннитских странах духовенство — часть государственного аппарата. В настоящий момент просматривается тенденция политического укрепления исламизма (события в Турции, Египте, Иордании, Афганистане, Пакистане, Индонезии).

Применительно к российским интересам опасность исламизма может проявиться в следующих действиях:

- опоясывание Европы и Евразии дугой от мусульманской части Боснии к Турции, Кавказу с заходом в Поволжье и далее через Среднюю Азию на Синьцзян;
- эскалация ваххабизма — Кавказ, Поволжье, Средняя Азия;
- утрирование конфессионального фактора в делах гражданских (статус женщины, документооборот).

Поскольку около 10% жителей России (15 млн) мусульмане, Россия является частью исламского мира, никакой исламофобии в ней быть не может. Различия в благоустройстве общественной жизни (в том числе религиозные) следует преодолевать достижением сродства, общности: россияне

единый народ без этнических, конфессиональных, расовых пикировок, являющийся носителем унитарного цивилизационного сознания.

Об угрозах панисламизма:

1. Опоясывание Европы и России исламским поясом само по себе опасности не несет. Исламизация как восстановление жизневоспроизводства в терминах теократии имеет естественные пределы. Суть в том, что, опираясь на общинные («умма») и клановые институты, последовательная, тотальная исламизация купирует модернизацию:

- а) в исламе в отсутствие жесткой организационной иерархии развит поведенческий, бытовой эгалитаризм. Последнего не знает ни западная, ни российская культура, где эгалитаризм как некий общежительный кодекс в одном случае формализован — модель социального правового государства; в другом случае — интернализован — модель частного меценатства. Иными словами, исламизация не совместима с устоявшимися порядками гражданской модернизации;
- б) современные общества являют собой органический симбиоз технологии и культуры: жизнепорождающие, жизнеподдерживающие процессы всесторонне прорастают в образ жизни, социальное устройство, право, общение, нравы. Исламские страны заимствуют у Запада, говоря прямо, лишь ноу-хау — узкоутилитарные способы производственной обработки материалов, полуфабрикатов, сырья. Что же до социальной почвы, — она остается невозделанной. Это касается статусов основных жизненных ценностей — искусства, права человека (особенно женщины), выбора и т. д. Поскольку ценности не импортируются, поскольку с проникновением ценностей модернизации в исламский мир развернута радикальная борьба (прежде всего в монархических государствах с элементами теократии и государствах, открыто исповедующих шариат в его хамбалитском варианте), пол-

ноценная модернизация на базе единства технологий и жизненной культуры невозможна. Хорошо представляя себе это, страны Персидского залива для налаживания авангардного производства либо завозят под них рабочую силу, либо прикрепляют к ним фактически бесправную (неинтегрированную в гражданский процесс) часть общества (шиитское меньшинство в южных провинциях аравийской саудии). Ни производство, ни жизнь, ни народы, ни страны, таким образом, к модернизации не причастны. Поддерживать архаичное существование, не пожиная благотворных плодов модернизации, могут позволить себе только сверхбогатые страны типа Саудовской Аравии (нефтяные резервы которой исчисляются 35 млрд т.), фактически выводящие население из воспроизводственной деятельности. Ничего такого другие позволить себе не могут.

2. Имплантация ваххабизма. Угроза реальна. Противовес очевиден: активизация политических, духовных элит российских и прилегающих к ней светских мусульманских анклавов по предотвращению ваххабитской экспансии и борьбе с ней.

3. Десекуляризация гражданской жизни. Нейтрализация угрозы весьма проста — прогресс в светских культурно — и правопорождающих процессах в государстве и их пропаганда.

Вероятно выстраивание общеевропейского антиэкстремистского фронта с иннервацией Франции, Германии, Великобритании, имеющих сложные отношения с мусульманским обществом.

Сюжет «мусульманство», «исланизм» не имеет прямых цивилизационных проекций. Согласно развитой нами модели⁸, цивилизация представляет механизм воспроизводства способов воспроизводства (поддержания, вершения) жизни, не имеющих лобовых конфессиональных привязок. С этой

⁸ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.

точки зрения, исламизм не выступает ценностной (цивилизационной) альтернативой вестерну. Подлинная альтернатива ему (при отождествлении вестерна с модернизмом) — традиционализм.

С учетом сказанного в мусульманстве как образовании неоднородном правильно признать наличие как модернистских (Турция, Малайзия, Индонезия), так и традиционалистских (Иран, Афганистан, страны Персидского залива), все же (в силу нереформированности ислама) преобладающих тенденций. Им в полной мере оппонирует универсальная логика мирового технологического прогресса, традиционализм локализирующая.

Популярная в определенных кругах типология конфликтности, в качестве обособленных родов автономизирующая конфронтации наций-государств (история), идеологий (XX), цивилизаций (XXI), неадекватна в части конфессионального толкования цивилизации. Она опровергается эмпирической верификацией.

Имеют место кровавые внутриконтфессиональные распри. «Во время своих внутренних раздоров, — отмечает Гиббон, — христиане причиняли одни другим гораздо более зла, чем сколько они претерпели от ... неверующих»⁹.

Враждуют представители идентичных технологических укладов (цивилизаций). В Судане отмечались столкновения арабов и негров; в Нигерии — мусульман и христиан.

Характер войн не изоморфен характеру цивилизационных противоборств. Полезно оценить статистику: из произошедших с 1480 по 1941 гг. 278 войн 28% — гражданские. С 1800 по 1941 гг. одна гражданская война приходилась на три межгосударственных. С 1945 по 1985 гг. имело место 160 вооруженных конфликтов, 151 из них приходился на страны «третьего» мира.

⁹ Гиббон Э. История крушения и упадка Римской империи. М., 1994. С. 178.

В свете указанных доводов справедлив вывод, что никакого конфликта цивилизаций на конфессиональной подоснове не просматривается.

Локомотивом саморазвития современных (модернизируемых) обществ являются технологии обеспечения человеческих качеств — жизненный комфорт, образование, культура, адаптация, вовлечение, участие. «Действенные силы истории наднациональны», — указывает Тойнби. Раньше состав таковых определяли эффекты индустриализации, колонизации, урбанизации, технизации; теперь — гуманизации. В текущий момент человечество дифференцируется на группы государств, где идет и не идет гуманитарная революция. Отсюда в типологии должна быть строчка «гуманитарная модернизация», обеспечивающая объективацию «человеческих ценностей». Всеу ей противостоит лишенная гуманитарного пафоса традиционализация. Борьба одного с другим и обусловит раскладывание цивилизационного пасьянса на обозримое будущее. Где оказаться мусульманскому анклаву (в целом) и России, пока не причастным к фигурам модернизации, должно решиться в ближайшее время.

Итак, камертоном грядущего при определенном раскладе, когда противоборства и амбиции людей, слоев, народов переключат всеобъемлющие веления воздержанности, может стать катастрофизм, проблематизирующий устойчивое существование. Один из сценариев развития событий — впадение в хаос, рост эсхатологических напряжений, нестабильность, всемирная смута, сумерки цивилизации, вступление во всеобщее Булгачное время¹⁰.

Пытаясь обозначить силовые линии принципиальных противоречий эпохи, мы развертываем вопрос в плоскость: чем скомпенсировать катастрофические тенденции, как нейтрализовать их действие. В конце концов, одна из интерпретаций Апокалипсиса — он есть не живописание трагизма финала сущего, а его предостережение, предупреж-

¹⁰ Здесь автор опирался на мысли А. Фурсова.

дение. Воспользуемся данным замечанием для выработки позитива.

Сказанное о вероятности усиления турбулентных процессов ориентирует на поиск дополнительных источников регуляризации (упорядочивающие стратегии Рю Фэна здесь недостаточны). Непредвзятый просмотр вариаций подводит к заключению, собственно, их два.

Первый — национальное государство, роль которого по мере вступления человечества в полосу дефицитности будет возрастать. Второй — надгосударственные образования, прерогативой которых станет контроль, координация, реагирование с использованием всех инструментов глобального влияния — от права до силы.

Борьба с хаосом, таким образом, возможно, обогатит социальное строительство в мировом масштабе переходом:

- на центрально-административный, дисциплинарный вид управления (отчасти свертывание демократии — в первую очередь в части прав на выбор места жительства, — в какой-то мере ущемление духа 1848);
- на всеобщую систему безопасности мира с коллективной ответственностью (развал униполярных (Мальтийский мир), биполярных (Ялтинский мир) блоковых конфигураций).

Финансомика. Опасна двоякая линия а) подмены реального сектора экономики виртуальным; б) разрушения обязательств, взятых в рамках Бреттон-Вудских институтов, по поддержанию золотовалютного долларového обеспечения. Выстраивается в полной мере сюрреалистичный постмодернистский мир симулякров с отсутствием натуральных, гарантийных ценностей.

Релятивизация, деканонизация, версификация, дисгармонизация действительности выражаются в утверждении странного феномена — виртуальной спекуляции. К концу XX в. в нее вовлечено 1,3 трлн. долларов — сумма, в 30 раз превышающая объем продаваемых товаров и услуг. Деньги,

В.В. Ильин. Сценарии будущего для России

следовательно, перестают быть связанными с экономикой, хозяйством. Разлагается этика продуктивного труда, подменяясь идеологией финансового успеха¹¹.

Образование «финансовых пузырей», выражаемое устойчивым перекрытием финансовыми транзакциями товарных, усугубляется ускоренным выпуском квазиденег. Показательно, что с 1970-х гг. США и международные финансовые центры отказались от золотовалютного стандарта, — курс основной валюты развитых стран конституируется валютными биржами. Дело усугубляется тем, что отмечается рост кредитных денег, впрыскиваемых в оборот имеющими лицензию на эмиссию частными банками. (На начало 1990-х гг. американская резервная система печатала лишь около 8% обрабатываемых денег). Таким образом, необеспеченные средства растут. В случае непредсказуемого поведения как эмитентов, так и резидентов, вероятно, возникнет коллапс, способный обрушить мировую валютно-финансовую систему. Надежных способов борьбы с подобным явлением (пока!?) не выработано.

Деперсонализация. На убывание роли личности по мере прогресса и возрастание значения масс некогда указывали Милль и В. Зайцев. Современность внесла сюда свою редактуру. Личность становится товаром массового потребления; роль массы же как социальной силы в «выбрасывающем обществе» (Тоффлер) свелась к нулю, — она стала рыхлым, жалостным, податливым материалом.

Усиливающуюся деперсонализацию безусловно можно отнести на счет примитивизации, арелфлексивности, управляемости, манипулируемости личности, провала социальной линии (культурной революции) привести «аристократический дух в массы» (Ясперс).

Если кредо индустриализма были «рациональность и прогресс», то кредо постиндустриализма стали «страх и трепет»

¹¹ Подр. см.: Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности. // Вопросы философии. 2002. № 7.

(Белл). Обсуждать технические особенности явления нет необходимости. С одной стороны, оно вызвано случившимися, в полной мере проявившими себя наднациональными процессами, — такими как урбанизация, сексуальная революция, открытость коммуникативных контуров, мобильность культуры, приобретающей «диаспорическое очертание» (Д. Клиффорд). С другой стороны, оно плод всеобщей формализации общения, межчеловеческого взаимодействия, порожденной универсализацией права, инструментов кодификации, канонизации, регуляризации обмена деятельностью. При высокой концентрации населения, эгоистичности самоутверждений по сценариям «self-maid man», возрастает роль институтов, бюрократии, инстанций, процедур, схематизирующих выработку (анонимных) решений.

Разваливаются антропологически приоритетные контексты со-бытия с эффектами «причастности», «соотнесенности» — они подменяются гуманитарно нейтральными политкорректными «функциями», «ролями». Этнос глобального мира задается не в терминах антропологии (антропотопологии)¹², а в терминах развитого сервисного обслуживания. Какая же «польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит»¹³? — вопрос риторический.

Проблему деперсонализации как всеобщего отчуждения и очуждения индивида ставили и пытались решать Штирнер и Бакунин. Рецепт первого: отчуждение на персональном уровне снимается эгоизмом. Рецепт второго: отчуждение на социальном уровне снимается анархизмом.

Узким местом таких подходов оказывается идея «Я» как самоцельной собственности без «чужого». Глобальная цивилизация, стержнем которой является усиление интеракции, однако, определяет совершенно иную форму человеческого движения. Суть дела не в том, как обособиться от чужого и чуждого (лиц, институтов), а в том, как сохранить себя во

¹² Подр. см.: Ильин В.В. Философская антропология. М. 2006.

¹³ МФ. 16, 26.

В.В. Ильин. Сценарии будущего для России

взаимодействию с ними. Антиномия глобальной цивилизации — интенсификация общения и разобщения. Оттого вопрос: почему наряду с интернационализацией контактов без границ мир Globo таит в себе грозную опасность человекоотторжения, — требует безотлагательного ответа.

Бездуховность. Эпоха революций и народных масс 1789–1991 гг., т. е. эпоха институционально довольно неразвитого общества, прошла. Но наступила эпоха не мечтательного, приподнятого чувства, которую предвкушал романтизм, а эра приземленного расчета. Раньше люди боролись за каким-то образом понимаемые ими социальные идеалы (свобода, равенство, братство, справедливость), могущие претвориться в будущем. Теперь они борются за каким-то образом понимаемое эгоистическое выживание в настоящем. Смена векторов вовлечения и участия детерминировала крутой ценностный поворот от отрешенных идей (фантомов) к профанному быту (фактам). Святые оказались развенчанными, идолы разбитыми.

Избавление от плена духовного привело к рабству материальному.

Основная угроза миру XXI в. — не война и не военный фактор, а экспансия дольного плотского в горнюю духовную сферу. Ее (экспансию) можно осмыслить в терминах человеческого обмельчания.

Голодарь Кафки, не находя пищи по вкусу, голодает. В современном мир-системном ядре жизнь «до отвала» влечет вкусовую пресыщенность, а значит, внутреннюю опустошенность. Последняя, порождая интенцию уйти от себя, усиливает рост потребления. Возникает замкнутый круг. Поставляющее общество навевает пресыщение; пресыщение — опустошение; опустошение — наращивание потребления.

Некогда Эйнштейн задумывался над тем, что если изгнать из храма науки «торговцев и менял», будет почти пусто¹⁴. При

¹⁴ Эйнштейн А. Соч. Т. 4. М., 1967. С. 39–41.

продумывании схожей проблемы в отношении общества ловишь себя на мысли: если изгнать из культуры агентов конъюмерации, практически никого не останется. Перефразируя Толстого, можно сказать: теперь успех (не хочется говорить так, но ничего не остается) в культуре достигается только глупостью и наглостью, равно как в жизни — ренегатством и конформизмом.

Включенность в потребительство дает ощущение упорядоченности, стабильности мира, как бы источающем комфортность. Плата за это — прагматика, функциональность. Человек, как мотылек, перелетает с цветка на цветок в стремлении извлечь немного нектара. Процесс захватывает. Прагматистские комплексы обеспеченности подавляют самосовершенствование, экзистенциальный рост. Значение культурных, духовных критериев снижается. Отмечается ослабление гуманитарных способностей — воображения, внимания, мысли, но усиливается стадное чувство, ориентирующее на косность, консерватизм, бестворчество.

В устанавливаемых отношениях, требующих все более ничтожной доли души, — признак вселенской гуманитарной катастрофы, в борьбе с которой несомненно окажется востребованным богатый отечественный опыт духовных исканий от толстовского опрощения, до положительного всеединства (Соловьев), общего дела (Федоров), соборности как единства веры и любви (славянофилы). Верно, данные духоподъемные комплексы лишены макросоциологической проекции, но имеют проекции культурную и персональную. Стало быть, они способны сыграть непреходящую роль в возвышении над жизненной прозой, в великом действе возрождения человечности.

Владычество. Парадигма владычества опасна. Волонтерные интервенции в природу и социум подтачивают возможности среды обитания, вызывают ее деградацию, усиливают дисфункции, приближают катастрофу. Императивам рационального природопользования, требованиям медицинской

географии, урбоэкологии агрессивно противостоит близорукый инструментализм, питающий идеологию импульсивного активизма, вседозволенности.

Непродуманный взгляд на мир как на объект покорения давно выказал свою порочность. При внешнем благополучии увязает в трудностях общество массового потребления. Оно повышает уровень жизни за счет ускоренного роста накапливаемого капитала относительно роста населения. Но как показал Туроу¹⁵, такая возможность утрачивается. Какой регламент адаптации к новым условиям существования предложит ядро мир-системы, — пока не ясно.

При всей этой смете, однако, ясна несостоятельность мифа «благосостояние через наступление и прогресс». Во-первых, «наступление» захлебывается в отсутствии «восстановления», а никаких восстановительных (рекреационных) программ, технологий в глобальных долгосрочных масштабах человечество не выработало. Во-вторых, «прогресс» является не универсальной, а избирательной формой развития; прогресс одних оплачивается регрессом других. Насколько же долго «другие», не имеющие шансов догнать «одних», позволят себе не прибегать к спасительным переменам, предсказать невозможно.

Сужение социальной базы власти. Популистские идеомифы в духе «каждой кухарки», способной стоять у кормила... давно и бесследно развеяны. Современное управление, социально-политический менеджмент, требуя ультрапрофессионализма, превратились в специализированную сферу занятости. Обратной стороной явления явилось обособление управляющих от управляемых, приобретающее тревожные симптомы кастового замыкания, народоотстранения.

Практически во всех развитых странах принята обеспечивающая максимальную стабильность институтов двухпартийная (или двухсполовинная, как в ФРГ) система поочередного чередования у власти граждански неразличимых

¹⁵ Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.

социально-политических структур. Достоинство такой практики — преемственность, устойчивость, поддержание постоянства. На путь внедрения подобных порядков склоняют и Россию, где предусматривается конституировать две пропрезидентские (провластные) парторганизации («Единую» и «Справедливую» России). Подчеркиваем, некий резон в этом есть. Правда, при наличии развитых традиций демократии, укорененного народовластия. Между тем притененным подтекстом выстраивания такой конструкции выступают:

- стагнация: в отсутствие вентиляции элит общество приобретает сомнительную способность сдерживать качественные социальные перемены, вследствие которых могли бы утвердиться существенно новые институты, направления продуктивного процесса, формы человеческого существования¹⁶. Насильственное же периодическое перетряхивание социально-политических элит с позиций гарантий порядка и законности всегда обоюдоостро;
- автократия: усиление власти наверху неизбежно означает ослабление полномочий внизу, потворствующее самонадеянному перерождению и вырождению власти в тлетворную диктатуру;
- волюнтаризм: дисциплинарная заорганизованность управления, административный восторг, как продемонстрировал Мизес, влекут по произволу чиновников планируемый хаос;
- эрозия институтов: фактически назначаемая, а не избираемая госбюрократия, быстро свыкаясь с положением собственной исключительности, утрачивает причастность к ролевому статусу «слуг народа», захватывает статус его господина. С этого момента — прости-прощай служение общему делу; начинается использование «места» для обслуживания собственных интересов. Как результат — разъедание качества институтов, удосто-

¹⁶ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 14.

веряемых индексом а) уровня развития законодательной, судебной систем; б) степени обязательности госорганов; в) уровня исполнения коммерческих контрактов и т. д.;

- предрасположенность к мобилизации: наступающая вследствие эрозии институтов депрофессионализация управленческой страты индуцирует один спасительный прием социального устройства — мобилизацию, порочность которой сказывается в таких моментах, как непроизводительность, перенапряжение, казнокрадство и т. д.;
- деградация человеческого материала, господство заурядности: «бездарная серость все топчет», — говорил Герцен об агентах управления николаевской России. Нечто подобное о субъектах нынешней управленческой элиты вправе сказать мы.

Атлантизм. США имеют обыкновение получать выгоду от всех коллизий с их геостратегическими соперниками. Так было по завершении I, II мировых войн. Так случилось по окончании «холодной войны». Нет смысла поднимать тему преимуществ и достоинств позиции Нового Света. Однако есть смысл поднять тему противовеса гегемонии Нового Света в Старом и во всем мире.

Как ни странно, наиболее сильная, богатая, могучая мировая держава при пристальном взгляде блистает отсутствием перспективы.

Тема сценарных построений развития будущего, в том числе российского, конечно не исчерпана, но даже из тех оценок, которые приведены в данной статье, ясно, насколько важна и актуальна поставленная проблема.

Доклад

От глобализации нельзя отгородиться



В.Г. Хорос, доктор исторических наук

Мое выступление имеет большее отношение к теме, нежели к самому докладу В.В. Ильина. И тому есть свои причины. Отдавая должное исследовательской широте и остроте постановки проблем, продемонстрированной докладчиком, должен сказать, что ряд его подходов и особенно формулировок мне не близ.

Во-первых, в присланном нам тексте доклада «Сценарии будущего для России» сценариев как таковых нет, а есть предложения автора по тем или иным аспектам внешней и внутренней российской политики и хозяйствования — предложения, сделанные в достаточно императивной форме («должно», «нужно», «необходимо», «следует», «пора озаботиться» и т. п.). Во-вторых, многие из этих предложений или предписаний смущают своей категоричностью и вместе с тем недостаточной реалистичностью, обоснованностью.

Например, планируется сверхмасштабное строительство железных дорог, включая «Брест — Владивосток, Брест — Петропавловск-Камчатский с дальнейшим выходом в Японию и Корею», а также одновременное проведение шоссейных дорог в пропорции на 1 километр железных дорог — 30 километров шоссейных.

Предлагается «демографическая разгрузка Кавказа» в противовес «походу из Поднебесной», учреждение «военно-промышленных поселений по типу кибуцев» со ссылкой на опыт реформ императора Льва III в Византии (почему не на А.А. Аракчеева?).

В.Г. Хорос. От глобализации нельзя отгородиться

Рекомендуется «реставрировать деформированное экономическое пространство в границах СНГ» + «реставрировать деформированное оборонное пространство в тех же границах» (хорошо бы, но...). В том числе с Украиной считается возможным наращивание потенциала единого экономического и геополитического (реально ли сейчас?).

В ответ на попытки Евросоюза «установления корыстных диспаритетов» советуется упрочение «консолидированной континентальной суперорганизации с антиатлантическим креном» (какой? в каком составе?), а «в случае запредельной атаки Европы» — «разыгрывание турбулентных карт этнонациональных неинтегрированных меньшинств (мигранты, нелегалы, цыгане); социальных маргиналов (пенсионеры, молодежь, неимущие); политические демарши с радикальными санкциями (вплоть до... разрыва контрактов по поставкам сырья)».

И тому подобное.

Вместе с тем я согласен с докладчиком в том, что понимание современных проблем России, ее цивилизационной идентичности и возможных перспектив и, соответственно, сценариев развития возможно лишь в общемировом, глобальном контексте — того «общества постмодерна», на которое вырывает процесс глобализации. Очертить этот контекст очень непросто, поскольку новая реальность находится в стадии становления, и ее системность только складывается. Об этом, кстати, шла речь на предыдущем семинаре в докладе А.И. Неклессы. Не претендуя на какую-либо законченность, я попробую предложить свой подход к пониманию «мира постмодерна», постиндустриального общества и пр., что будет способствовать и прояснению возможных ориентиров для России.

Этот новый мир создается в контексте, да и в процессе так называемой глобализации. Глобализация на современном этапе¹, с одной стороны, есть *объективный* процесс бес-

¹ Более ранние этапы связаны с эпохой географических открытий, колониализмом, промышленной революцией и пр.

прецедентной интенсификации — на основе достижений научно-технической революции — различного рода контактов между государствами и народами, что в принципе создает новые возможности для их сотрудничества и взаимопонимания. Но процесс этот пока идет преимущественно в односторонней форме «западнизации» (термин А.А. Зиновьева), навязывании западными политическими, хозяйственными и культурными элитами, прежде всего США, своих стереотипов сознания, политического устройства, экономических механизмов, культурных ценностей другим, незападным обществам. Это *субъективная* сторона глобализации, которая чем дальше, тем больше порождает и не может не порождать конфликты и осложнения. Прессинг Запада выступает и рекламируется как демонстрация превосходства американской и европейской цивилизаций (инновационность, рационализм, прагматизм, эффективность), поданных в идеологическом облачении либерализма, демократии, прав человека и пр.

Для незападных обществ такая ситуация означает не только угрозу всеобщей унификации, утраты своей цивилизационной идентичности (причем на сомнительной основе нынешнего культурного примитивизма), но и другие негативные перспективы — усиление зависимости, своего рода неокOLONIALИЗМ, то, что испаноамериканский ученый М. Кастельс назвал «фундаментальной асимметрией»².

Эта асимметрия пролегает не только между Центром и Периферией, но и внутри самой Периферии. Ее элиты активно втягиваются пылесосом глобализации в так называемую Давосскую цивилизацию в качестве младших партнеров западного космополитического истеблишмента, претендующего на манипулирование всем мировым сообществом. Данный социокультурный раскол в незападных обществах (впрочем, как и в западных) также чреват подрывом цивилизационной идентичности.

² См. Постиндустриальный мир и Россия. М.: УРСС, 2001. С. 73.

В.Г. Хорос. От глобализации нельзя отгородиться

Таким образом, современной глобализации свойственны обоюдоострая диалектическая двойственность, а также отличие от предшествующей эпохи классической модернизации. Если тогда для отставших обществ было необходимо прежде всего *приспособить* традиционную культуру к нуждам «догоняющей» модернизации, то сейчас этого уже недостаточно. Ясно, что непродуктивно (да и, наверное, невозможно) просто отгородиться от глобализации, отвергнуть ее лишь на том основании, что она навязывает западные «правила игры» — автаркия обернется неминуемым отставанием и застоєм. Но столь же ясно, что бесперспективно и опасно быть пассивным восприимчиком нынешней глобализации, ее объектом. Поэтому от незападных обществ сегодня *требуется активно включиться в процесс глобализации*, мобилизовать собственные цивилизационные ресурсы для решения усложняющихся мировых проблем, с которыми ныне можно справиться *только сообща*. Это в частности и в особенности относится и к России.

В основе моего подхода лежит то, что я называю «процессом сборки предпосылок». Крупные исторические образования (социально-экономические формации, типы власти, культурные направления) обычно возникают путем постепенного накопления («по отдельности») различных предпосылок — как субъективных, означающих изменение ориентации и целей, так и объективных, складывающихся как бы спонтанно, «своим ходом», но предоставляющих средства для реализации этих целей. При накоплении достаточного количества предпосылок между ними в какой-то момент происходит «замыкание», соединяющее их в системность. Например, экономические предпосылки капитализма накапливались еще в Средневековье (технические новшества, совершенствование форм кредита и обмена, первые биржи и пр.), а «замкнуло» их знаменитое повышение цен на шерсть в Англии, стимулированное спросом фландрской мануфактуры. Протестантизм, борьба парламентов с монархиями,

буржуазные революции, секуляризация, аграрные реформы, промышленный переворот, демократизация судопроизводства и т. п. — все это с разных сторон формировало то, что мы называем буржуазной формацией или шире — миром модерна (поскольку в него позднее вошел и социализм), зрелые формы которого приходятся примерно на период со второй половины XIX века до последней трети XX века. Дальше можно уже говорить о проступающих контурах новой эпохи, становление которой находится в процессе.

Посмотрим же теперь, какие предпосылки характерны для новой эпохи постмодерна, постиндустриального общества и пр. (возможны и другие названия). Я имею в виду прежде всего процесс эволюции Запада, хотя благодаря глобализации «западнизм» проникает и в незападные общества.

С точки зрения базовых ценностных предпосылок определяющим является то, что еще в конце XIX века называлось «смертью Бога» — преобладающее ощущение посюсторонности, однократности человеческой жизни. Разумеется, такая мысленаправленность имеет долгую предысторию — антропоцентризм Возрождения, антиклерикализм и атеизм Просвещения, попытки замены Богочеловека (Христа) «человекобогом» (лидером, героем, вождем и пр.). Новым в этом процессе угасания религиозного фактора (что вместе с тем не исключает всплеск примитивного и слепого религиозного фанатизма, имеющего мало общего с серьезным религиозным чувством и, как правило, сознательно манипулируемого в политических целях) является отстранение от любого Абсолюта, Сверхориентира или Нормы, задающих смысл как общественному, так и индивидуальному бытию, потеря перспективы, примат настоящего над будущим и вечным. Отсюда компенсаторная ориентация на «самореализацию», на «законный эгоизм», «все и сразу» — столь бьющие сегодня в глаза культ потребительства, гедонизм, озабоченность статусом, стремление к власти.

В.Г. Хорос. От глобализации нельзя отгородиться

Если говорить о *структуре и ценностях социума*, то здесь можно наблюдать постепенную девальвацию принципов буржуазно-демократического устройства общества и соответствующей социальной иерархии — отказ от тех или иных элементов эгалитаризма, равенства (не говоря уж о «братстве»), крен в элитарность — причем элитарность, опирающаяся не на реальные и признанные заслуги перед обществом, а на «успех» — богатство, статус, престиж (нередко любой ценой). Социальная стратификация становится все более контрастной — в том числе за счет размывания среднего класса, некогда былой гордости бывшего *welfare state*. Такая негативная динамика признается нормальной, поскольку все большее распространение получают идеи в духе социального дарвинизма (к которому, кстати, никогда не имел отношения сам Дарвин). Подвергается сомнению принцип социальной справедливости — или признается по минимуму, чтобы не доводить до массового недовольства.

Клеточкой такого общества становится атомизированная личность («один в пустыне», порой даже в собственной семье). Личность объявляется средоточием общественной жизни, целью которой является обеспечение «прав личности», ее автономии от какой-либо группы и общества в целом. Вместе с тем культ риваса не мешает индивидам (особенно принадлежащим к верхним слоям) объединяться с другими индивидами в корпорации по борьбе за «место под солнцем».

В политической среде характерна как никогда ранее кристаллизация власти в неформальных, «скрытых» институтах (теневые объединения, лидерские команды, экспертные группы) при ослаблении или деградации нормальных демократических институтов (гражданское общество, парламент, выборы, референдумы). Намного усилилось и усовершенствовалось манипулирование электоратом и общественным мнением через СМИ («четвертая власть»). Наблюдаются признаки трансформации «государства-нации» в «государ-

ство-корпорацию», надстройку, обслуживающую в первую очередь собственные интересы, существующую как бы для себя (по А.И. Фурсову).

Отмечу кратко и другие предпосылки — кратко, поскольку феномены, о которых пойдет речь, многократно освещались в научной литературе и публицистике.

В экономической сфере:

- доминанция ТНК и соответствующая эволюция рыночной среды: вместо «невидимой руки рынка» — «невидимая рука» предпринимательской олигархии, управляющая рынком;
- «финансомика», впечатляющий отрыв финансовой сферы от реальной экономики. Всплеск спекулятивной активности и растущая необеспеченность мировых валют (прежде всего доллара). Электронные деньги, дериваты, финансовые риски и периодические обвальные кризисы;
- «электронная революция», по большей части использованная финансовой сферой, СМИ и шоу-бизнесом, «индустрией грез».

В международных отношениях:

- претензии на мировую гегемонию США и Запада в целом;
- неоколониализм Центра по отношению к Периферии (долговая ловушка для развивающихся стран, неолиберальные реформы, вскрывающие периферийные рынки);
- крах биполярности;
- глобальные проблемы и разворачивающаяся на этой почве борьба за мировые ресурсы.

Перечень приведенных предпосылок, конечно, не полон. Но, как представляется, он в определенной мере проясняет характер происходящих исторических изменений. Нетрудно также заметить взаимосвязанность предпосылок (десакрализация, индивидуализм, элитарность, «борьба всех против всех», гегемонизм и т. п.), что свидетельствует о системности складывающегося социоисторического новообразования. Можно, конечно, спорить о том, произошло ли окончатель-

В.Г. Хорос. От глобализации нельзя отгородиться

ное «замыкание» данной системы постмодерна или оно еще впереди. Но направление мировых трендов в любом случае вполне просматривается.

В этом контексте и надо оценивать современную Россию и российскую цивилизацию, где внутренняя смута и указанные мировые тренды взаимно наложились друг на друга, что придало особо драматический характер событиям и процессам 1980–1990-х гг. Их характер и последствия являются более серьезными и проблемными для судеб России по сравнению со сходными испытаниями в прошлом: не поиски национальной и культурной идентичности в ходе иноземного вторжения и внутренних неурядиц в начале XVII века; не форсированная «европеизация» сверху во времена Петра I; не революции и гражданская война в начале XX в., не приведшие все же в целом к утрате исторической и культурной преемственности, но подрыв базовых основ общества и национальных культурных традиций под видом «европеизации».

Российские нелиберальные идеологи и реформаторы еще со времен перестройки твердят о том, что для России «иного не дано»: либо безнадежно отстать и потерять конкурентоспособность в современном мире — либо «стать Европой», но утратить «системное качество» собственной цивилизации, т. е. попросту перестать быть Россией. При этом просто игнорируется опыт других цивилизаций и обществ (Индии, Китая, Японии и др.), которые в процессе развития и перенимания технических, организационных и иных достижений Запада не только не отказывались от собственного цивилизационного прошлого, но активно использовали те или иные его ценности и институты для успешного продвижения вперед и повышения «конкурентоспособности». Наоборот, слепое подражание и перечеркивание своей социокультурной идентичности не дают ничего, кроме «потери лица», компрадорства и распада. Впрочем, позиция российских либералов конца XX в. (и чиновных, и идейных) была по-своему последовательной. Люди, поставившие крест на

России, где они родились и воспитались, относившиеся к ней как к «этой стране», и не могли предложить для нее другой альтернативы, нежели политическая и социокультурная капитуляция.

Российская цивилизация всегда рассматривалась как конгломеративное социокультурное образование, куда входят различные составляющие. Какие — на этот счет существовали и существуют до сих пор противоречивые мнения и идеологические спекуляции. Часто говорят, что в России соединяются Запад и Восток. Западный (европейский) компонент в российской цивилизации бесспорен, хотя именно он, к сожалению, серьезно дискредитирован сейчас нашими псевдозападниками. Что же касается «восточной» составляющей, то здесь много неясного, несмотря на старания, например, евразийцев. О каком Востоке идет речь — Индии, Китае, Японии, исламском мире? Вряд ли. По-видимому, правильнее говорить о «почвенном» компоненте, который складывался, безусловно, не без азиатских влияний (начиная со времени половцев и монголов), но в котором возникали и оригинальные черты — ценности и институты, рождавшиеся органически как способы приспособления этноса, а затем и суперэтноса к экологическому и хозяйственному пространству, геополитическим условиям, внешним воздействиям. Сюда входят и формы совместной жизни (общинность), и особая роль государства, «скрепляющая» и мобилизующая социум, готовность жертвовать частным во имя общего, определенный трудовой ритм и элементы хозяйственной этики и, конечно же, российская версия православного христианства, которое, кстати, неверно было бы относить к «восточным» факторам.

Существует много вариантов выделения или определения этого «почвенного» компонента российской цивилизации — как «русской идеи», «третьего Рима», «соборности», средоточия славянского начала и т. п. В одной из своих последних работ покойный А.С. Панарин высказал мысль, что «месси-

В.Г. Хорос. От глобализации нельзя отгородиться

анская роль России» заключается в том, что она «всегда выступала на стороне слабых против сильных», в том числе и внутри, «когда российское государство опиралось на слабых против сильных — против бояр, олигархов, против так называемых сильных людей³. Звучит заманчиво, но все же вряд ли соответствует реальной российской истории (по крайней мере до 1917 г.).

Из этого не следует, что попытки разобраться в содержании и «почвенности» российской цивилизации являются праздным занятием⁴. Такие попытки «инвентаризации» российской цивилизации (как ее жизненных начал, так и крайностей или неконструктивных и устаревших элементов) не только важны, но просто необходимы. Ибо сегодня Россия находится на цивилизационном перепутье: или отстоять себя не только как хозяйственное или политическое, но как социокультурное целое — или уйти в историческое небытие. Обретение собственной цивилизационной идентичности, таким образом, становится условием осуществления первой альтернативы.

Условием, ибо без утверждения жизненных ценностных ориентиров, адекватных отечественным реалиям, нельзя преодолеть нынешний общественный разброд, справиться с тем, что не раз бывало в истории российских смут, породивших феномен социокультурного люмпенства, массовый слой людей, выбитых кризисом из привычного существования, из культурных норм вообще. А также потому, что только установление значимых ориентиров и целей, духовных и нравственных опор поможет объединить и реализовать тот

³ Логика метаисторического времени. Сб. статей. М.: Социально-политическая мысль, 2004. С. 21.

⁴ Неслучайно отечественные либералы, ратующие за скорейшую утрату Россией своего «системного качества», третируют поиски цивилизационной идентичности и «самобытности» как проявление отсталости и архаики. Жаль, однако, что и некоторые высшие управители России иронически оценивают такие поиски как своего рода хобби, «национальный вид спорта».

креативный потенциал российского общества (ученые, инженеры, квалифицированные рабочие, сельчане, желающие нормально трудиться на земле), который в России еще пока существует, но который идейно, политически и морально дезорганизован и численно сжимается. Отмечу, что некоторые, начальные признаки преодоления кризисных тенденций сейчас вроде бы намечаются.

Немало зависит и от управленческого слоя нынешней России. Значительная часть его культурно обескоренена — в смысле игнорирования интересов государства и выполнения соответствующих политико-административных функций, а также нигилизма по отношению к собственному обществу и его национальным культурным традициям. Но все же не все представители сферы власти относятся к России как к «этой стране». Хотя бы потому, что если «этой страны» не будет, они утратят свою власть и перейдут на положение приказчиков и младших партнеров зарубежных хозяев. Угроза этого объективно будет их подвигать к поддержке национального и цивилизационного самоопределения.

Лишь пришедшая в себя и окрепшая Россия может вступить в полноценный и равноправный межкультурный диалог и всерьез влиять на происходящее на планете⁵. Возвращение на мировую авансцену сильной России будет позитивно встречено многими народами и цивилизациями. Ибо у России всегда были союзники и симпатизирующие ей в различных регионах мира. В свое время ее голос был весом в «европейском концерте», существовали и существуют точки соприкосновения с исламским миром, Индией, Китаем и другими странами. В принципе ей есть что сказать и Западу, и Востоку, если учитывать богатые и оригинальные традиции русской культуры.

⁵ Поэтому странное впечатление производят некоторые наши квазипатриоты, утверждающие, что Россия призвана спасти мир и, только совершая это, может спасти самое себя.

В.Г. Хорос. От глобализации нельзя отгородиться

Я не буду сейчас рассматривать возможные сценарии будущего для России, это отдельная большая тема. Я не футуролог и к тому же полагаю, что в исторической эволюции нередки такие повороты, которые нельзя предвидеть. Кроме того, в самой России, на мой взгляд, пока продолжается некая внутренняя неопределенность, оставляющая возможность различных развилок. Но, исходя из вышесказанного, вполне можно сказать, чего России *не стоит делать*. Не заниматься «догоняющим развитием», имитацией структур и надстроек Запада, который сейчас по ряду параметров сам находится в кризисе. Не рассчитывать — по крайней мере в обозримом будущем — на понимание и содействие со стороны Запада. Наконец, не надеяться на возможность достаточно долго решать накапливающиеся проблемы за счет нефтегазовой трубы.



Аменхотеп Младший. Коллонада храма Амон-Ра,
Мут и Хонсу в Луксоре.

Вопросы к докладчикам и ответы

Вопрос (А.Л. Андреев):

У меня вопрос к Владимиру Георгиевичу: вы говорите о почвенном слое. Мне кажется, стоит поразмыслить над тем, надо ли нам отказываться от восточной идентификации. Попробуем поставить на место России, допустим, Японию, где есть как модернизационные конструкции, так и традиционные. Если следовать вашей логике, значит не надо их называть Востоком, это как бы почвенное. Но Россия — тоже Восток. В Японии — японский Восток, здесь — русский Восток. Такой термин устоялся, такая идентификация устоялась. Поэтому верно ли считать, что Восток как бы за нами начинается?

Ответ (В.Г. Хорос):

Я в какой-то мере могу считать себя востоковедом, поскольку занимался Японией, Индией, Китаем, исламским миром. Так вот такого Востока, какой наблюдается в перечисленных странах, в России я не вижу. Россия имеет свою оригинальность, которая заключается, с одной стороны, в специфике русского православия. А православие как ветвь христианства — это не Восток, это все-таки Запад. Во-вторых, оригинальность России заключается в очень продуктивном, хотя порой и конфликтном сочетании почвенных и европейских элементов. Такого своеобразного, пусть неравновесного, сочетания я нигде больше не вижу. В Японии все-таки доминирует собственное, «азиатское» ядро. В Китае тоже самое. Уж про ислам я не говорю. В Латинской Америке тоже есть симбиоз европейского и почвенного, но европейское ядро там не столь развито, как в России. Европейская культура, пришедшая к нам с Петром, прижилась на российской почве и дала сильные всходы.

Вопрос (Л.И. Никовская):

У меня несколько вопросов. Первый: какое место занимает концепт устойчивого развития в контексте той проблематики, которую Вы сейчас развивали? Второй: как Вам думается, сегодняшнее социально-политическое измерение, которое существует в мире, правые и левые (правые — это либерально-демократические, ориентированные на усовершенствование капитализма модели, левые — это поиски в рамках социал-демократии социалистической модели) — они отражают ту реальность, которая сегодня начинает складываться и формироваться? Или они отражают ирреальность? Или поиск идет в социально-политическом русле? Я, конечно, условно называю правые и левые. Отсюда логически вытекает третий вопрос: применительно к России можем ли мы вести анализ социально-политической реальности в рамках таких концептов и категорий, как публичная политика, гражданское общество, демократия? Или это не ложится в тот особый цивилизационный контекст, о котором и В. Хорос, и отчасти В. Ильин говорили в своих докладах? И последнее: если бы Вы составляли рейтинг современного мира, что бы поставили на первые две-три позиции?

Ответ (В.Г. Хорос):

Устойчивое развитие — это часто употребляемый слоган. Реально он означает, что есть экологические проблемы, проблемы среды, и надо как-то сочетать развитие и экологию. Но здесь пока больше разговоров, чем дела. Многочисленные комиссии работают, что-то реализуется, какие-то новые технологии пробуют вводить, но сдвигов пока немного. Достаточно привести пример пробуксовывания Киотского протокола.

Теперь о правых и левых. Неолибералы пытаются формировать новую реальность, выгодную для них, но встречают сопротивление левых. Но у нынешних левых плохо с позитивом, у них нет идеологии.

Публичная политика, гражданское общество — а где оно у нас? Его нет. В 1990-е гг. гражданское общество вроде бы намечалось, была вроде и публичная политика, но публичная в плохом смысле слова — а-ля Чубайс и Жириновский. А сейчас ее просто нет. Сейчас у нас бюрократическая политика.

Что касается рейтинга, то на первый план я бы поставил цивилизационную угрозу, потому что с этого все начинается. Когда общество, страна, культура осознают себя и свои традиции, то прочно стоят на ногах. Важно сохранить или вновь утвердить свою цивилизационную идентичность. А все остальное придет — и экономические программы, и политические решения.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Первый вопрос я адресую В. Ильину, а второй — В. Хоросу. В категориях «север — юг», «Запад — Восток», «белая цивилизация», где собственно российской цивилизационной идентичности остается место? Или она растворяется в рамках обозначенных категорий? И второй вопрос: глобализация основана на экономической, военной, идейной мощи ряда ведущих государств мира. Достаточно ли собственно почвенного ресурса для того, чтобы как-то противостоять и конкурировать с этим глобализационным напором?

Ответ (В.В. Ильин):

Цивилизацию я трактую как весьма космополитичный механизм, вырабатывающий технологии жизнепроизводства. Мы с А.С. Ахиезером написали специальный том, называющийся «Российская цивилизация: содержание, границы, возможности», где главные проблемы и знания о цивилизации изложены. В соответствии с этим я ввожу особую аббревиатуру ФСК — фундаментальную социальную константу, которая фиксирует некие инварианты воспроизводства жизни во всех сегментах, охватывающих воспроиз-

ство процесса в духе оптимальности, эффективности. В этом отношении цивилизация — одна, нет многих цивилизаций. Ресурс цивилизации подчеркивает космополитичность. Тем не менее на него накладываются императивы почвы: скажем, мы понимаем, что права человека или стремление к демократии — это фундаментальная социальная константа. Процесс развития социальности векторизуется в сторону учета этих ценностей. Но для России есть поправки: если я имею дело с контуром пространства 1/6–1/8 часть планетарной суши, я не могу делать ставку на представительность демократии, я развалю все управление. Соответственно, вводится правило обратно пропорциональной зависимости — эффективности и представительства демократии. Самое оперативное управление — это командно-приказное, армейское, оно наименее демократичное. Екатерина это понимала и в переписке с просветителями черным по белому писала, что европейские законы не могут быть имплантированы в России, в силу хорологических зависимостей. Хорология управляет константами. То же самое и в другом: особенностью российской цивилизации будет жесткая редистрибуция скудного прибавочного продукта, милитантность в технологиях, централизм, дирижизм и т. д. Другой вопрос: можно ли их купировать? Можно ли стремление к модернизации ограничивать? Но это все наша онтогенетика. Мы должны иметь в виду, что ни одна страна этого не имеет.

Ответ (В.Г. Хорос):

Конечно, почвенного ресурса или, проще говоря, российских «силенок», необходимых для того, чтобы противостоять натиску более мощных обществ, недостаточно. А почему нельзя искать себе союзников в этом плане? Сейчас в мире очень много обществ, недовольных западным прессингом. На этой почве возможны самые различные альянсы. Уже давно говорят о так называемом треугольнике Россия — Индия — Китай. Между этими странами немало противоречий,

но в принципе российская научно-техническая креативность вполне может быть соединена с китайским достаточно искусным трудом, с индийским хай-теком и т. д. Здесь есть совершенно четкие основы для взаимовыгодности. Сейчас за Индию идет борьба со стороны американцев, и за Китай она будет идти. Вместе с тем, для того чтобы этот союз был эффективен, России нужна какая-то достаточно ясная, позитивная и убедительная программа, которая могла бы привлечь различных союзников, включая страны СНГ.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Первый вопрос у меня к В. Ильину, а второй — к обоим докладчикам. Этническое давление на сопредельные государства происходит не только в отношении России. Известно, что то же самое мы наблюдаем в США, в Европе, о чем упоминалось. Вопрос: является ли этот процесс в историческом масштабе необратимым, однонаправленным, или возникнет некоторый универсальный ответ, купирующий эту угрозу? Может быть, будут найдены какая-то альтернативная социально-политическая технология и правила игры?

А второй вопрос такой: оба доклада направлены на идентификацию угроз, рисков, неких негативных перспектив. А что хорошего? Что можно сейчас усмотреть оптимистичного? Существуют ли те самые предпосылки, которые закладывают прогрессивные тенденции, позволяющие более уверенно смотреть в будущее с территории России и гражданам России? Есть ли эти позиции?

Ответ (В.В. Ильин):

Самый простой и односложный ответ на заданный вопрос состоит в следующем. Если мы животных заносим в Красную книгу, то следует, что белая цивилизация поставлена под угрозу. Самый простой ответ на вызов — это ее консолидация. Другой вопрос, что в силу неконсолидированности белого сообщества, а мы не видим и консолидаци-

онной тенденции, думаю, что в очень скором времени опыт заставит задумываться Европу, и США, и Россию. Я говорю о том, что в России проживает 176 этнических групп, каждая из которых — святое для России. Но если имеет место просачивание и укоренение нелегалов, то для России это угроза гражданственности и государственности. Такая же угроза существует Западу и атлантизму. Соответственно, перечисленные страны поставлены перед равными вызовами. Нам надо объединяться.

Ответ (В.Г. Хорос):

В любой эпохе, в любом обществе можно всегда найти позитив. Это естественно. Продолжается технический прогресс, хотя он намного опережает уровень развития нравственности. Есть полезные начинания, есть подвижники, есть прекрасные книги. Во всяком обществе, не являющемся кладбищем, всегда есть позитив. Речь ведь не о том, что его нет. Речь идет о том, что складываются некие мировые тренды, которые могут привести к негативным последствиям, катаклизмам.

Вопрос (А.И. Соловьев):

У меня три коротких вопроса. В. Ильин обрисовал традиционную классическую расовую геополитическую схему. Но есть одно противоречие. Вы говорите: нужно торговать гражданством. По-Вашему получается, что все эти миграционные перетоки нужно просто «поставить на счетчик». Не будет ли в результате то же самое? Казна разбогатеет, а этнонациональный состав окажется таким, каким Вы его предсказываете в своем худшем варианте? Это первый вопрос. И второй: мы прекрасно помним, что в истории Китая были случаи, когда, разбив Ян, Цзы уничтожал по 150–200 тыс. человек. Может, если включить в Вашу схему климатические, экологические угрозы, это поменяет схему цивилизационных контактов? Почему китайцы в результате этих климатических условий должны заселять Россию? Может, они пойдут в

океан? Климатическая компонента меняет логику, изложенную в докладе, или нет?

И вопрос к В. Хоросу. Можете ли Вы привести хоть один пример влияния цивилизационных факторов на выбор определенных социально-экономических и политических стратегий? Не в макроисторическом плане, не филогенез, а конкретно. Как стратегия выбирается под влиянием цивилизационных факторов?

Ответ (В.Г. Хорос):

Ну, например, европеизация России — при Петре I, в XIX в., сейчас. На нас влияли и влияют цивилизационные стандарты Запада, так или иначе понятые или непонятые. Но при этом российские управленческие элиты, как правило, стремились исходить из национальных интересов (за исключением случая семибоярщины, когда хотели пригласить польского короля). Но вот 90-е гг. XX в. как раз дали пример забвения или игнорирования национальных интересов под влиянием ложно понятой прозападной ориентации.

Вопрос (А.И. Неклесса):

Может быть, ряд представлений о цивилизационной специфике России не вполне соответствует тем реалиям, которые существуют на сегодняшний день? Так, в числе перечисленных факторов национальной идентичности России был назван «коллективизм», но, откровенно говоря, в современной России я никакого особого коллективизма не наблюдаю. Просматривается скорее клановость (что не одно и то же), а нередко — социальная расщепленность и обостренный индивидуализм, в своей динамике, не исключено, превосходящие ту атомизацию, в которой привычно обвиняют Запад. Возможно, та цивилизационная специфика, о которой Вы вели речь, — это цивилизационная специфика той России, которая существовала в прошлом, но не той, которая существует сегодня в XXI в.?

Ответ (В.Г. Хорос):

Цивилизации — это очень долгосрочные образования. Они меряются столетиями, а иногда тысячелетиями. Ф. Бродель замечательно сказал, что цивилизация может попадать в состояние анабиоза, может где-то замирать, «замерзнуть» немножко и т. д., а потом возрождаться.

А.И. Неклесса:

Может возрождаться, а может и трансформироваться во что-то иное. Античная цивилизация, равно как и цивилизации древности, скажем, египетская, давно канули в Лету. Классический и тривиальный пример — судьба Римской империи и генезис на данной территории мозаики стран, включая современную Италию. Между ними можно, конечно, в культурном отношении найти какие-то ассоциации, но в цивилизационном отношении это совершенно разные организмы. Или более близкий по времени пример — судьба такой межконтинентальной империи, как Оттоманская...

В.Г. Хорос:

Римская империя просуществовала достаточно долго.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Вопрос, мне кажется, был краеугольный. Хотел бы дать информацию из экономических пространств, которая не очень доступна участникам. Вопрос был такой: есть ли примеры в современности, когда цивилизационные особенности некоего локалитета используются в государственном строительстве или экономической деятельности, или общественном развитии, на практике?

Такие примеры есть. Производительность труда — это произведение трех сомножителей. Первого — основных фондов, средств производства или производственных технологий. Второго — управленческих технологий, что уже ближе к ментальности, к характерным социопсихологическим

портретам локалитета. И третьего, совсем характерного для социопсихологического портрета, — это мотивации труда. Последняя складывается из двух составляющих — материальной и нематериальной.

Возьмем три страны — Японию, Россию и США. В США сегодня лидируют производственные технологии, основные фонды такие же практически, как в Японии. Глобальный рынок позволяет России сделать то же самое, тут мы не проиграем и не выиграем. Вторая возможность — в управлении. Важна ментальность. Американцы в разы больше снимают с этого параметра производительности труда, чем в России и даже чем в Японии. А третий параметр — мотивация труда. В Америке она существенно ниже, причем в нематериальном отношении — раз в 10, а в материальном (оплата труда) — раза в 2 японцам проигрывают.

У России нематериальная мотивация, соответственно, больше, чем в Японии и в США, материальная — ниже, чем в обеих этих странах. То, о чем сказал А. Соловьев «не вижу». Сейчас нам навязывают, вопреки цивилизационному портрету наших мотиваторов, вместо нематериальных мотиваторов производительности труда материальные мотиваторы и таким образом опускают ее в целом. В 1970-е годы, когда СССР очень активно использовал нематериальную мотивацию труда (Герой соцтруда и т. д.), по производительности труда не проигрывал Великобритании и некоторым другим индустриальным странам, не в интеграле, а в отдельных секторах, не обязательно военных.

Отсюда вывод: существует пример вклада национальной специфики, цивилизационных накоплений, причем очень инерционных, в такие проявления в текущий момент времени, которые достаточно очевидны: экономика, производительность труда, технологические уклады и т. п. Примеры тому есть.

Ответ (В.В. Ильин):

Первый вопрос был по поводу политики. Я выступаю против того, чтобы процесс был бессистемным и бескон-

трольным. Он должен быть как-то локализован и как-то этатизирован. Я вижу только одну технологию купировать отторжение наших пространств — через интенсивное заселение. Я апеллирую к мировому опыту: были стратиомы, были синклеры в Венгрии, были казацкие заставы и кибуцы в Израиле. Все они выполняют однопорядковую функцию. Другой вопрос, что при нашей депопуляции очень сложно кордонный пояс воссоздать. Можно работать, конечно, и с казаками, и со старообрядцами, можно наладить какую-то репатриацию, но это все в масштабе не решит проблему. Поэтому я и вижу только один путь — это торговля, направленная в пространство, это пуантилизация пространства через создание глобалистских поселений двойного промышленно-хозяйственного и военно-оборонного назначения. Подчеркиваю, аналогии я нахожу в мировом опыте. В кибуцах такая же история. Защита евреев проводится только так: в одну руку они берут лопату, в другую — пушку, выполняя функции и гражданские, и хозяйственные. И у нас такого же плана идеи надо продвигать. И если посмотреть на принятую нашим правительством программу миграции, можно увидеть, что будет фактически завозиться живой труд. Возьмем опять эту векторизацию, аналогию проведем. наших женщин на Запад увозят в бордели, на Восток в семьи, мы сплавляем свою высококвалифицированную силу на Запад, а набираем низкоквалифицированную силу, все СНГ у нас, и весь Восток здесь. Если правительство принимает программу миграции, которая обеспечит производство, это очень недалекая программа. Надо понимать, что мигранты не будут иметь полной социальной адаптации. Мы столкнемся с колоссальными проблемами. Как быть с районами мегаполисов, которые по культуре будут иметь отторжение и от населения, и от воспроизводства жизни?

И второй аспект проблемы: самоуничтожительные ритмы. Я-то думаю, что Китай сделал ставку не на это. Он делает ставку на отторжение пространств через целенаправленное

Вопросы к докладчикам и ответы

заселение, через политику хуацсяо. Я не вижу осмысленного ответа у нашей власти, меня это беспокоит. Я недавно был в Якутии, китайцы проживают в Якутии и имеют пакет инициатив на все что хочешь — от разработки полезных ископаемых до утилизации. Спрашивается, а наше где скоро будет население? Я хочу, чтобы научная и политическая элита эти вопросы обостряла и требовала от власти осмысленных решений.

Вопрос (В.М. Межуев):

У меня наивный вопрос: никак не могу понять, значит, Запад — это мировое зло, опасность надо ждать от всех рас, от желтой, от черной?

Ответ (В.В. Ильин):

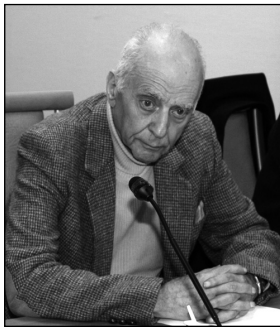
Я считаю, что беда России состоит в том, что она заимствует авангардные западные цивилизационные технологии и укореняет их неадекватными восточными методами, которые влекут депопуляцию. Если мы посмотрим, то увидим, что все примечательные фазы нашего развития завершаются депопуляцией. Так было и при Петре, в результате чего мы потеряли 20% населения, ну и так дальше. Мне кажется, выход из этого тупика есть только один: надо сознательно либо разрабатывать, либо заимствовать у Запада высокие технологии, но внедрять их уже не восточными методами, а прогрессивными демократическими, с опорой на консенсус, на толерантность и т. п. Нужно отдавать себе отчет, что, если Запад выступает пионером в нащупывании этих технологий, не надо этого бояться, нельзя через насилие имплантировать технологии, а если делать это органично, то почему же, все можно.



Гранвиль и Э. Форе. Франция, отданная на растерзание воронам всех сортов. 1831 г.

Выступления

Тенденции и контртенденции в прогностических сценариях



А.А. Галкин, доктор исторических наук

Нам представлены для обсуждения сразу два доклада. При этом в каждом из них рассмотрены различные аспекты обсуждаемой проблемы. Это существенно затрудняет положение участников дискуссии. Поэтому позволю себе сосредоточить внимание на том, что было сказано в первом докладе.

Его содержание изложено автором четко и откровенно. Это позволяет, не отвлекаясь на частности, сразу же обратиться к сути дела.

Докладчик иллюстрировал свои представления, прибегая к геометрическим фигурам. В свое время я тоже увлекался подобным методом, позволяющим наглядно изобразить чисто теоретические построения. Однако вскоре охладел к подобному приему. Для этого были обоснованные причины. Рисованные фигуры — все эти треугольники, ромбы и квадраты — позволяют четко отобразить доминирующую тенденцию. Это, безусловно, облегчает установление контакта с аудиторией, повышая в ее глазах научную весомость лектора. Вместе с тем чем сложнее объект рассмотрения, тем хуже работают геометрические фигуры. Они игнорируют множественность взаимовлияний и тем самым существенно упрощают сложную систему прямых, опосредованных и обратных связей. Реальность теряет свою стереоскопичность, объемность, становится плоскостной, а следовательно, недостоверной.

Это, как мне кажется, относится к некоторым приоритетным положениям, которые содержатся в докладе.

Очень важно также использовать при изложении проблемы достаточно отработанный понятийный аппарат. Докладчик то и дело ведет речь о первом, втором и третьем мирах. Но ведь это понятия прошлого века. Сегодня они не работают. Есть ли основания уподоблять Зимбабве и Сингапур, Кению и Нигерию, с одной стороны, и, скажем, Индию и Бразилию, с другой? Кого можно сегодня отнести ко второму миру? Китай? Но для этого потребовалось бы немалое интеллектуальное насилие. Видимо, сейчас следует прибегать к иной группировке стран, используя совсем иные критерии.

Докладчик в ряде случаев ведет речь о различных расах. Но использует соответствующее понятие не в этнологическом, а в политическом контексте. При этом исчезает реальная содержательная характеристика описываемых объектов. Что представляет собой, в его понимании, белая раса? Включает ли он в ее состав тюркские народы, иранцев, латиноамериканцев? Как быть в данном случае с кавказскими народами, семитами и т. д.? Или, быть может, он ассоциирует белую расу с экономически наиболее развитыми странами? Тогда как он собирается обойтись с русскими, с одной стороны, и японцами и малайцами, с другой, и т. д.?

Обеднение сложной системы взаимосвязей, существующих в реальном мире, создает множество логических ловушек.

Докладчик отмечает, например, что первый мир (понимаемый как совокупность экономически наиболее развитых стран Запада) на протяжении многих лет высасывал ресурсы стран третьего мира, не давая им ничего взамен. Но это верно лишь частично. Да, прежний третий мир грабили. Но кое-что ему и подбрасывали. Иногда руководствуясь политико-идеологическими соображениями, но не только.

Колонизаторский Запад, грабя колонии, привносил в них важные элементы культуры, образования, здравоохранения, государственного управления и т. д. И все это укоренилось. Неслучайно после развала Британской империи попытки освободившихся государств избавиться от организацион-

но-культурного наследия бывших монополий окончились полной неудачей. Не вытеснен был и английский язык, хотя очень к этому стремились.

И это не исключение. Поныне в бывших французских колониях Африки в обиходе французский язык, в управленческих структурах и судах доминирует французское делопроизводство, армия щеголяет в мундирах, очень похожих на французские, и т. д.

В свою очередь, то, что именуется в докладе вторым миром, принесло бывшему третьему миру не только идеологию, не только революцию и оружие, но и промышленное развитие. До сих пор во многих странах, относимых к этому типу, основу промышленности составляют промышленные предприятия, построенные Советским Союзом, и т. д.

Ряд тенденций, о которых идет речь в докладе, действительно вызывают тревогу. Но дело в том, что они далеко не единственные. Прослеживаются и другие, действующие в ином направлении. Поэтому катастрофический характер выводов, которые содержатся в докладе, вызывает серьезные сомнения.

Налицо борьба тенденций, и чем она закончится, далеко не очевидно. Возьмем, для примера, иммиграцию. То, что говорится в докладе об ее издержках, соответствует действительности. Адаптация новых иммигрантов к непривычным условиям существования происходит непросто. Возникает ряд проблем — экономических, социальных, культурных. Происходит своеобразное самозамыкание иммигрантов (прежде всего из исламских ареалов) в рамках своей культуры, языка, обычаев. Тем самым межцивилизационные и межстрановые противоречия как бы переносятся в страны, принимающие иммигрантов.

Но это только одна из тенденций. Есть и другие.

Во-первых, в ряде стран, куда главным образом стремятся иммигранты, вводится новое ограничительное законодательство, регулирующее иммиграционные потоки. Во-вторых, происходит (и даже возрастает) адаптация значительной части мигрантов из регионов иных цивилизаций к пребыванию и

условиям, существующим в стране пребывания. Например, в Германии официально числится 3 млн иммигрантов из Турции. В действительности их, согласно оценкам, 8 млн. Просто 5 млн настолько ассимилировались, что уже не считаются турками. В-третьих, в структуре иммигрантов, прибывающих в наиболее развитые страны, возрастает удельный вес тех, кто относится к аналогичным цивилизациям. К примеру, в Ирландию и Великобританию в последние несколько лет, согласно оценкам, прибыло свыше одного миллиона выходцев из Польши — в основном молодых людей. И это не вызвало никаких серьезных проблем. Иммигранты этой группы адаптируются к условиям страны пребывания удивительно быстро.

Кстати, немалую опасность для стабильности общества составляют не только иммигрантские «гетто», о которых шла речь выше, но и антииммигрантские настроения значительной части местного населения. То, что они обусловлены рядом реальных обстоятельств, не делает их менее негативными.

Не учитывать указанных контртенденций в прогностических сценариях было бы неверным.

Иными словами, при всестороннем подходе к проблемам, затронутым в докладе, ситуация выглядит не столь катастрофичной, как это представляется самому автору. Более того. Для нашей страны то, о чем идет речь в докладе, вовсе не самая большая угроза. Есть угрозы посерьезнее. Это прежде всего вероятность физического вымирания российского и в первую очередь русского населения. Восторженные псалмы по поводу успехов демографической политики последнего времени — это либо пиар, либо самообман. Ситуация в этой области остается крайне сложной. И если мы намерены избавиться от нависшей угрозы, следует не столько сокращаться по поводу наплыва иммигрантов, но добиваться дальнейшего качественного наращивания усилий, направленных на то, чтобы население страны по меньшей мере перестало сокращаться более чем на полмиллиона в год.

Контурь будущего просматриваются слабо



А.И. Соловьев, доктор политических наук

По проблемам, о которых мы сегодня дискутируем, немало различных точек зрения. Причем весьма противоречивых. Поэтому для начала я хотел бы остановиться на двух-трех методологических позициях. Прежде всего следует констатировать, что уровень неопределенности в оценке мировых трендов (включающих различные — цивилизационные, геополитические и прочие — составляющие) крайне высок и этот масштаб оценки реальных политических процессов не всегда может что-то дать для понимания реальных перспектив конкретной страны.

По моему мнению, в данный момент мы находимся как бы на фазе протоорганизационного единства нового мира. Этот новый мировой порядок формируется в результате столкновения самых противоречивых тенденций. В этом плане очень важно понимать, что сегодня (здесь я согласен с идеей профессора В. Межуева) не только ни одна культура, но и ни одно национальное государство не может развиваться как внутренне единая целостность, обладающая единым вектором своего развития. Причем различные тенденции обладают неодинаковой интенсивностью на множественных социальных площадках, на которых действует государство. И если мы возьмем Россию, то увидим, что среди таких зон существуют просто абсолютно архаичные порядки. А другие социальные пространства при этом давно обрели постмодернистский облик. Другими словами, Россия одновременно пребывает и в архаике, и в традиционном обществе, и в модернистском, и в переходе к модерну, и в постмодернистском

состоянии. Поэтому, коллеги, рисовать различные, в том числе самые перспективные сценарии развития, о многих из которых здесь говорилось, означает попадать в интеллектуальные ловушки. Помочь здесь — имеется, конечно, прикладной характер проектирования — способно только гибкое планирование, рассчитанное как на среднесрочную, так и краткосрочную перспективу.

Профессор В. Ильин, дав достаточно нетипичную для геополитики расовую интерпретацию межгосударственных отношений, обозначил крупные цивилизационно-региональные тренды. Но в таком варианте не учитывается хотя бы то, что российская эволюция может видоизмениться под влиянием неких флуктуаций — даже природного характера, не говоря уже о политическом, и мы окажемся вдали от прогнозируемых геополитических цепочек. Одним словом, сейчас мы можем с равным основанием делать совершенно взаимоисключающие выводы. А оценить возможные стратегии правящих режимов мы просто не в состоянии.

Второй методологический момент: если смотреть на ту же глобализацию, о которой сегодня многие говорили, то надо ставить вопрос дифференцированно, а именно — что сегодня сделали глобальные порядки в плане форматирования экономических отношений, политических, социальных, культурных и т. д. Ведь нельзя же из глобализации на основании только некоторых ее проявлений делать какую-то страшилку. Понятно, что этот процесс одновременно интегрирует часть определенных сообществ, но и дезинтегрирует часть мирового сообщества. Ведь сегодняшняя форма капитализма, виртуальная экономика, выдвигая в качестве ведущего актора финансовый капитал (который безразличен к национальным институтам, в силу чего даже местный бизнес становится незаинтересованным в поддержании госинститутов), в принципе ориентирована на трансграничные проекты. В этом отношении столкновение традиционной экономики, которая характерна для России,

А.И. Соловьев. Контуры будущего просматриваются слабо

с этими финансовыми механизмами ставит страну в нелегкое положение.

Тогда возникает вопрос: какое государство и за счет каких механизмов может купировать новые вызовы и угрозы? Мне очень не понравилась прозвучавшая в ряде выступлений мысль о том, что Запад предстает в форме какого-то однозначно угрожающего для нас явления. Такие тезисы не то что неубедительны, но и просто не имеют научного значения, а скорее относятся к публицистическим выпадам. Почему? Вся проблема в том, что у Запада — вышедшего на путь глобализации раньше и завоевавшего здесь более прочные позиции — просто оказался наработанным целый набор механизмов, позволяющих лучше справляться с вызовами киберэкономики. При этом обратите внимание: западные системы не скатываются к додемократическим порядкам. А формируемые ими постдемократические порядки прекрасно иллюстрируют, что те традиции, которые сложились за последние 350–400 лет, воплощаются сегодня в разработке государственных стратегий с непременным участием общественного мнения, профессионализма и ответственности элит. И это не пустые слова, поскольку эти страны на деле демонстрируют преимущества и демократии, и гражданской нации, стабилизирующих их социальные порядки.

Я ни в коем случае не хочу идеализировать ситуацию, но очевидно, что каждое государство обладает собственным набором механизмов, которые может использовать для адаптации к существующим порядкам. У России, как мне кажется, сложность положения связана с тем, что, в силу ее и масштабности, и разноуровневости решаемых задач цена, которую мы платим за адаптацию к новым мирополитическим процессам, может оказаться слишком высокой, и мы заплатим за наши попытки укрепления своего положения как энергетического монополиста, центра регионального господства, территории с нерегулируемыми миграционными потоками и прочим распадом государственно-территориального уст-

ройства. Будет ли это самым худшим ответом на сегодняшние вызовы? Это еще вопрос.

Повторяю еще раз: сегодня государства представляют собой очень сложные интегрированные образования. И мы должны смотреть на эти процессы не с идеологических или патриотических позиций, а с точки зрения здравого смысла, трезво констатируя, где Россия может закрепиться в мировом политическом пространстве, где она может обогнать другие страны, адаптироваться, а где она должна стоять, сжав зубы. И при этом мы опять-таки трезво должны видеть тот объем и характер ресурсов, которыми страна сегодня обладает. Ресурсы разные. Но я не думаю, что, если те же китайцы будут адекватно оценивать наши преимущества в военных ресурсах, они пойдут на прямую агрессию и не будут придерживаться тактики инфильтрации.

Одним словом, загадывать на 25–30 лет вперед, пытаться определить политические контуры геополитических и миграционных процессов столь отдаленного будущего, для научного знания нереалистично. Поэтому сегодня надо смотреть на механизмы, на ресурсы и на те социальные площадки национального государства, которые могут дать новую информацию для умеренной футурологии.

Глобальное и локальное в современном мире

В.М. Межуев, доктор философских наук

В глобализации видят, прежде всего, объективный процесс, который стягивает мир в единое экономическое и информационное пространство, существующее по общим законам и в едином для всех режиме времени. В итоге мир постепенно утрачивает свою былую многоликость и разнородность. Происходит своеобразная гомогенизация мира, причем не только в производственно-экономической, но и бытовой сфере, на уровне повседневной жизни. В разных странах люди все больше пользуются одними и теми же видами транспорта и коммунальных услуг, носят одинаковую одежду, потребляют одну и ту же пищу, смотрят одни и те же телепередачи, слушают одни и те же новости. Создаваемые современной цивилизацией технологии, товары, услуги, информация и пр., входя в жизнь разных народов, делают их в чем-то похожими друг на друга.

Глобализацию как объективный процесс следует отличать от идеологии глобализма, выражающей интересы транснациональных корпораций и элит. Своей целью эти элиты ставят освобождение экономики от власти национальных государств, ее выход за рамки любой национально-государственной общности, т. е. полную деполитизацию хозяйственной жизни. Речь идет не просто об упрочении международных связей в торговле, что имело место и раньше, а о создании новой — транснациональной — системы экономических отношений, выходящей за пределы национальных территорий и государств и управляемой из центров, неподконтрольных правительствам и представительным органам власти этих го-



сударств. Немецкий социолог Ульрих Бек усматривает в идеологии глобализма продолжение философии постмодернизма, утратившей веру в универсальную мощь научного разума, в способность общества к сознательному и коллективному политическому действию. Глобализм для него — это отказ от какой-либо политики в экономической сфере, ее полное подчинение власти рынка. «Глобализмом я называю понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма»¹.

У. Бек не отрицает того, что мы живем в мировом обществе, превратившем представление о замкнутых пространствах в фикцию. В современном мире «ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга»². В таком обществе приходится заново переосмысливать «самоочевидности западной модели», ставить вопрос о том, как могут воспринимать себя в нем люди и культуры. Ведь глобализация, действительно, «имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»³. Она ставит под сомнение важнейшее представление эпохи модерна, согласно которому общества после распада империй могут существовать только в границах национальных государств. Глобализация рушит эту связь, создавая между национально-государственными и транснациональными акторами и процессами новые взаимоотношения. В контексте происходящих перемен нельзя считать современной ту политику, которая во имя ложно понятого патриотизма или национализма отгораживается от мира, пытается изолироваться от него, мыслит себя вне логики общемирового развития.

¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М. 2001. С. 23.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 26.

Но означает ли глобализация отказ от всякой политики, направленной на защиту национальных интересов? Некоторые западные ученые высказывают сомнения в способности рыночной экономики без соответствующих мер государственного регулирования подчинить себе весь мир, заставить жить его по своим законам. Глобализация посредством рыночной конкуренции и дерегулирования рынков лишь усилит, по их мнению, неравенство между богатыми и бедными странами, «золотым миллиардом» и остальным населением планеты, спровоцировав со стороны последних ответные конфронтационные действия. Финансовые кризисы, разрушение природной среды, массовая миграция населения из зон хронической нищеты и голода, рост числа безработных (в силу низкой грамотности и квалификации) в странах третьего мира, усиление сепаратистских и фундаменталистских движений свидетельствуют о порочности рыночной глобализации, если ей нет никакого противовеса. Опираясь в процессе глобализации только на рынок — значит дискредитировать в мировом общественном мнении саму идею глобализации, способствовать росту протестного антиглобалистского движения.

Многое, конечно, зависит от желания и умения политиков реформировать систему межгосударственных отношений таким образом, чтобы она могла учитывать интересы как можно большего числа стран и народов, позволила им наладить между собой отношения сотрудничества и взаимопомощи. Сам по себе мировой рынок не способен примирить и уравнять шансы всех участвующих в нем игроков: кто-то из них обязательно окажется в положении проигравшей стороны. И никакие усилия со стороны государства не могут предотвратить этого главного последствия рыночной экономики — экономического неравенства. Но если такое неравенство еще как-то терпимо в отношении отдельного государства, хотя и вызывает в нем внутренние противоречия и конфликты, то в глобальном масштабе оно способно

породить «столкновение цивилизаций» с последствиями, гибельными для всего человечества.

Глобализация, чтобы быть успешной, не может быть, видимо, ни чисто рыночной, ни этатистской. Подобная альтернатива, отдающая предпочтение либо свободному рынку, либо государству, возникла на этапе существования индустриального общества. В результате мир оказался расколотым на два противостоящих лагеря, каждый из которых претендовал на мировое лидерство. Первый верил во всеразрешающую силу рынка, второй — в силу и мощь государственного аппарата. Индустриальное общество так и не смогло найти разумного баланса между этими двумя стратегиями развития. С началом глобализации они перестают быть надежным инструментом политики. Разумеется, и в этой ситуации государство и рынок сохраняют значение важнейших факторов развития, но при условии, что они корректируются факторами более высокого порядка — социальными и культурными.

Уже с выходом в постиндустриальное общество от человека требуется нечто большее, чем только его деловая активность и исполнительское послушание. На наших глазах рождается новый тип производительного работника, оперирующего не механическими орудиями труда, а сложной вычислительной техникой. Местом его работы является не заводской цех, а конструкторское бюро, научная лаборатория, проектная мастерская или аналитическая служба, занимающие в техноструктуре современного производства все большее место. Профессиональной характеристикой такого работника является его способность генерировать новое знание, внедрять в производство новые образцы, повышать конкурентоспособность предприятия на рынке. В каком-то смысле его можно назвать специалистом по инновациям.

В лице такого работника мы также имеем дело с классом, но уже иным, чем класс промышленных рабочих. Источником его дохода является не физическая сила, а полученное образование, которое затем становится для него средством

производства нового знания. Хотя данный класс также включен в производственный процесс (прямо или косвенно), его нельзя считать экономическим классом в обычном смысле этого слова. Принадлежность к нему определяется во многом внеэкономическими факторами, в частности, уровнем полученного образования. Потому и в производство он входит со своим особым капиталом, который, в отличие от денежного капитала, можно назвать культурным. В современном производстве культурный капитал все больше обретает значение основного, конкурируя с финансовым капиталом за приоритетную роль в обществе.

Американский социолог Ричард Флорида называет этот класс «креативным», полагая, что в современном обществе он занял «доминирующее положение». «Если вы ученый или инженер, архитектор или дизайнер, писатель, художник или музыкант, — пишет он, обращаясь к читателям своей книги, — если креативная деятельность является решающим фактором вашей работы — будь то в сфере бизнеса, образования, здравоохранения, права или какой-то другой, — вы также принадлежите к этому классу. С образованием креативного класса, объединяющего 38 млн представителей (более 30% рабочей силы США), связаны глубокие и значительные перемены в наших привычках и методах работы, ценностях и стремлениях, а также в самой структуре нашей повседневной жизни»⁴. Именно этому классу, считает Р. Флорида, принадлежит ведущая роль в обновлении мира. Каким же должен быть этот мир, если смотреть на него с позиции этого класса? В нем, по мнению американского социолога, центр тяжести переносится с экономики и технологии на культуру. «Глубокие и устойчивые преобразования нашей эпохи коренятся не в технологии, а в обществе и культуре. Поэтому их труднее наблюдать, учитывая насколько незначительны те мелкие изменения в нашей повседневной жизни, которые в

⁴ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ. М. 2005. С. 12.

сумме к ним приводят. Эти изменения нарастали в течение многих десятилетий, и только сейчас они выдвигаются на первый план»⁵.

Экономическая глобализация стала причиной и глобализации информационных потоков. Получив техническую возможность распространяться по всему пространству земного шара, информация охватила сегодня своими сетями и потоками практически весь мир. По словам М. Кастельса, «технологические революции с информационными технологиями в центре заново и ускоренными темпами формируют материальную основу общества. Национальные экономики во всем мире стали глобально взаимосвязанными, создавая в системе с изменчивой геометрией новую форму отношений между экономикой, государством и обществом»⁶. Но что означают эти изменения в плане культуры?

Большинство зарубежных и отечественных исследователей процесса глобализации сходятся в том, что культура в этих условиях выходит за рамки своих национальных границ. Так, В.С. Малахов в своей книге «Государство в условиях глобализации» пишет: «В современном обществе производство, распределение и потребление культурных продуктов все более решительно выходит за пределы национальных границ... Глобальному спросу соответствует глобальное предложение. Фирма-производитель того или иного культурного товара ориентируется на потребителя далеко за пределами государства, где находится ее штаб-квартира»⁷. Сам по себе такой выход еще не приводит к равенству. Культура, будучи вовлеченной в сферу действия глобальных рыночных механизмов, также оказывается источником неравенства, но уже культурного. Тот же автор отмечает: «Основные культурные потоки текут сегодня с «Севера» (Запад) на «Юг» (Восток).

⁵ Флорида Р. Указ. соч. С. 32.

⁶ Кастельс Мануэль. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М. 2000. С. 25.

⁷ Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М. 2007. С. 206.

В.М. Межуев. Глобальное и локальное в современном мире

Очевидное культурное господство промышленно развитых государств есть не что иное, как продолжение в символической сфере тех процессов, которые происходят в политико-экономической и военно-политической сфере»⁸.

Достигнуть равенства посредством рынка вряд ли возможно. Но если в экономике рынку нет альтернативы, то его позитивная роль в плане культуры не столь очевидна. Уже в эпоху индустриализма культура, подпавшая под власть рынка, оказалась в состоянии глубокого кризиса. С выходом экономики на транснациональный уровень этот кризис дал о себе знать в столь же глобальной форме: большинство экономически слаборазвитых стран стали объектом культурной экспансии со стороны развитых стран, пассивным потребителем производимой ими культурной продукции. Такая «глобализация», означающая «культурное господство» одних стран над другими, вызывает, естественно, протестную реакцию со стороны тех, кто привержен традициям и ценностям своей собственной культуры. Нельзя не признать определенную оправданность такого протеста. Как переломить эту тенденцию, не перекрывая при этом путь к глобализации, что в принципе невозможно?

Многие в этой ситуации возлагают надежду опять же на государство, видя в нем главное орудие защиты национальной культуры — путем предоставления ей особых преференций и повышения ее международного престижа. Сегодня культурная активность государства, действительно, выражается в пропаганде им культурных достижений собственного народа, в поощрении его начинаний и усилий в этой сфере. Но и это не способно воспрепятствовать проникновению на территорию этих государств культурной продукции экономически более продвинутых и политически влиятельных стран. Культурная политика этих стран обрела сегодня характер борьбы за мировую культурную гегемонию, за доминирование в планетарном масштабе своей культуры. Несомнен-

⁸ Там же. С. 209.

ным лидером в этой борьбе стали США, которые, по словам В.С. Малахова, «являются последним «национальным» государством в привычном смысле этого слова. В то время как практически все развитые страны переживают «денационализацию» или, по крайней мере, кризис национальной идентичности (в частности, под воздействием американизации), Соединенные Штаты воспринимают себя и воспринимаются другими как государство с четко оформленной национальной идентичностью. Американцы демонстрируют миру едва ли не абсолютную самодостаточность. Жители этой страны, как кажется, не нуждаются в культурных продуктах, произведенных за ее пределами»⁹.

С национальной идентичностью, вопреки сказанному, не все ясно и в самой Америке¹⁰, но нельзя, действительно, отрицать ее доминирующей роли в производстве массовой культуры, особенно в таких технически развитых отраслях, как киноиндустрия, теле — и радиовещание, шоу-бизнес, информационные программы, Интернет и пр. США как бы открыли секрет производства культурной продукции, способной угодить вкусу любой массовой аудитории. Присущие этой продукции зрелищность, развлекательность, занимательность, доступность, демократизм, интернационализм, моральная добропорядочность (добро всегда побеждает зло), техническое совершенство, ряд других особенностей определили спрос на такую продукцию в самых разных частях света. И что в этой продукции является исключительно американским? Вера в то, что предприимчивость и честный труд являются залогом личного успеха и материального процветания; проповедь добродетельной жизни и семейного счастья, прославление гражданской активности в отстаивании прав и свобод человека, защита справедливости и зако-

⁹ Малахов В.С. Указ. соч. С. 212.

¹⁰ Об этом свидетельствует, например, переведенная у нас книга С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности». М. 2004.

на — ценности не только американской, но любой жизни в современном цивилизованном обществе.

Лишь культура, отвечающая на общие для большинства людей запросы и чаяния, может выдержать конкуренцию на мировом рынке. Каждый народ имеет, естественно, свои отличительные особенности, которые находят выражение в его культуре. Но только та культура способна занять в глобальном мире доминирующее положение, которая заключает в себе нечто важное и ценное для всех людей. Во всяком случае, культуры могут выжить в глобальном мире, ориентируясь на более универсальные, чем только национальные, потребности и цели человека. Конкурировать здесь можно лишь по части понимания того, в чем состоит эта универсальность, а не посредством абсолютизации своих национальных особенностей и отличий.

Глобализация, как я понимаю, отрицает не уже сложившиеся национальные культуры, а возможность дальнейшего существования и развития культуры исключительно в этой форме. В глобальном мире индивид не порывает связи со своей национальной культурой, но и не может ограничиться ею, будучи включенным в транснациональные сети. В результате, возникают новые культурные локальности, которые уже не сводятся к разделявшим ранее культуру национальным границам. Отрицание любой культурной локальности означало бы смерть культуры, которая, как известно, не терпит однообразия.

В процессе глобализации формируется новый тип культурной локальности, не совпадающий с национальным. Он объединяет людей не по национальному признаку, а по общности их культурных предпочтений, т. е. на основе свободного выбора ими своей культурной идентичности. Так, поклонники музыкальной попсы и классической музыки существуют во всем мире, образуя культурные общности — одновременно глобальные и локальные. Как современные виды транспорта дают людям возможность свободно перемещать-

ся из одного географического пространства в другое (не утрачивая при этом изначальной связи со своей родиной), так и современные средства информации и связи позволяют им жить во времени и пространстве мировой культуры, находить в них своих единомышленников, объединяться с ними в разного рода союзы по признаку своего уже не национального, а культурного родства. Глобализация создает, иными словами, не национальную, а глобальную локальность, которая одновременно и связывает людей в планетарном масштабе, и различает их по характеру сделанного ими культурного выбора.

Для обозначения этого нового типа культурной общности был изобретен особый термин — глокализация, образованный из слов «глобализация» и «локализация». В научный оборот его ввел английский социолог Роланд Робертсон с целью фиксации происходящих в глобальном мире двух взаимосвязанных процессов — гомогенизации и гетерогенизации. По его словам, в мире происходит не просто глобализация, а глокализация, т. е. «гомогенизация и гетерогенизация. Эти одновременные тенденции, в конечном счете, взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя, конечно, в конкретных ситуациях они могут прийти, да и действительно приходят, в столкновение друг с другом» По своему смыслу данный термин направлен против тех концепций глобализации, которые исходят из логики становления унифицированной мировой системы транснациональных связей, исключаяющей все различия и несходства. Под «мировой системой» понимается здесь либо капиталистическая система, образцом для которой служат развитые страны Запада — прежде всего, США, либо глобальные информационные сети, либо политика силы и принуждения, осуществляемая наднациональными органами власти. Против унифицирующей направленности этих концепций и выступили ряд видных западных социологов, противопоставив им концепцию культурной глобализации, отрицающую возможность полного

В.М. Межуев. Глобальное и локальное в современном мире

преодоления в глобализирующемся мире культурной разнородности. В плане культуры, как считают эти социологи, глобализация не подавляет, а сохраняет и даже актуализирует ее локализацию, хотя не по национальным, а каким-то другим границам. Глокализация и есть осмысление глобализации в понятиях и терминах теории культуры — в отличие от экономических и чисто социологических ее интерпретаций.

В трактовке Робертсона, глобализация в сфере культуры означает процесс внедрения в повседневное сознание (через средства массовой информации) определенных чувственных образов и символов. Формируясь в определенной национальной и социальной среде, имея, так сказать, локальное происхождение, они, будучи транслируемы по каналам массовой коммуникации, получают транснациональную форму существования. Это и есть культурная глобализация. Она предполагает «стягивание», «столкновение» локальных культур (clash of localities) в мировом пространстве, в результате которого они не исчезают, а обретают новое — глобальное измерение.

К тому же термину, со ссылкой на Робертсона, обращается и У. Бек. По его мнению, массовое производство культурных символов приводит не к унификации и глобализации, а к глокализации культуры. «Социология глобализации», эмпирически возможная как глокальное исследование культуры, позволяет, как он считает, рассматривать культуру в глобальном мире не статически, а диалектически — как процессуально развертывающееся, «парадоксальное» единство ее противоречивых сторон и элементов. У. Бек перечисляет ряд таких парадоксов: объединение и унификация институтов, символов и манер не противоречит образованию «локальных культур» («макдональдсы» и джинсы вполне уживаются с африканскими карнавалами в Лондоне); глобализация не только разрушает традиционные национально-государственные и местные общности, но фрагментирует мир на новые транснациональные общности; она не только централизует капи-

тал, власть, информацию, знания, богатство, решения и пр., но порождает децентрализацию посредством формирования этими общностями своих особых социальных пространств в соответствующих локальных контекстах.

Для теоретиков данного подхода главным следствием культурной глобализации является рождение новых разграничительных линий, новых локальностей, которые уже не совпадают с традиционными — местными, региональными, национальными, этническими и пр. — формами культурной идентификации людей. То, чему люди во всем мире отдают предпочтение (например, кока-коле или пепси-коле), порой значит для них больше, чем их национальные обычаи и привычки. Фирмы, реклама, торговые организации, работающие на массового потребителя во всем мире, менее всего озабочены национальным составом своих клиентов. Мир в их глазах делится не по национальным, а каким-то другим основаниям и признакам. Это и есть глобальный взгляд на мир. Национальные символы, касающиеся самых разных сторон человеческой жизни, становятся элементом свободного общения людей в транснациональном масштабе. Глобализация сохраняет те или иные элементы национальной культуры в той мере, в какой они становятся благом, ценностью для людей другой культуры. Она как бы придает глобальный масштаб тому главному, что впервые было привнесено именно национальной культурой — праву человека на свободный культурный выбор.

Создание единого пространства культуры, вбирающего в себя многообразие уже существующих культур, но дающего каждому право на свободный выбор своих культурных предпочтений, — вот что, по нашему мнению, должно служить главным ориентиром развития культуры в эпоху глобализации. Достигаемое в результате такого выбора культурное равенство людей только и сможет примирить их между собой в планетарном масштабе. Никто не должен мнить себя здесь культурным монополистом. Под глобальной культу-

рой следует понимать, следовательно, не какую-то одинаковую и обязательную для всех культуру, а такую всемирную сеть культурной коммуникации, которая позволяет каждому жителю планеты на равных правах пользоваться благами и достижениями любой культуры. Свобода индивидуального выбора обеспечивалась уже национальной (письменной) культурой, но только в глобальном мире этот выбор выходит за рамки обособленных национальных миров и образов, распространяется на всю человеческую культуру. А уж что каждый возьмет для себя лично из этой культуры, к чему проявит наибольший интерес — будет определяться только его индивидуальными пожеланиями, потребностями и запросами.

Какой же, в таком случае, должна быть политика государств в отношении как собственной культуры, так и тех, с которыми они встречаются в глобальном мире? Сегодня на Западе (особенно в США) получила распространение политика мультикультурализма, направленная на сохранение малых этнических групп с их традициями и обычаями. В духе этой политики демократия понимается как обязанность государства считаться с интересами, в том числе и культурными, малых групп, меньшинства, ставя их подчас выше интересов большинства. Подобная политика вызывает ответную критику со стороны тех, кто идею искусственного сохранения и преемственности культурных особенностей малых групп противопоставляет идею равного участия всех в публичной жизни общества, позволяющая разным культурам свободно конкурировать между собой. Культурная идентичность, по мнению авторов такого подхода, строится в современном обществе не на обязательных и неизменных предписаниях, определяющих до мелочей жизнь индивида в группе, а на свободе выбора каждого, дающей возможность постоянно реконструировать социальную реальность, изменять образующие ее смыслы, значения и цели. Понимание культуры в духе социального конструктивизма означает,

как считает Сейла Бенхабиб, «что культура групп людей не является данностью, а формируется и меняется с течением времени через обычаи. Культуры не выступают целостностями с четко обозначенными границами; они представляют собой смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела своих носителей»¹¹. Но тогда движениям за религиозную, национальную и любую другую идентичность, пытающимся «заморозить во времени и пространстве границы, разделяющие группы людей и культуры»¹² и имеющим преимущественно идеологическую природу, следует противопоставить демократически-эгалитарную политику в сфере культуры. В ее основе лежит не только сохранение культуры уже существующих меньшинств посредством вмешательства государства, но и расширение круга демократического участия людей в процессе межкультурного диалога и общения, ведущего к появлению новых групп и их инкорпорированию в гражданское общество. «В отличие от мультикультуралиста, — пишет Бенхабиб, — теоретик демократического направления признает, что в зрелых обществах политическое инкорпорирование новых групп приведет, скорее, к гибридизации культурного наследия на обоих полюсах. Современные люди могут выбрать, поддерживать ли им свои культурные традиции или разрушить их... Короче говоря, демократическое инкорпорирование и сохранение преемственности культур могут и не быть взаимоисключающими. Если все же выбирать между ними, то я поставила бы распространение демократического участия и равенство выше сохранения культурных особенностей»¹³.

Но как же все-таки сочетать в политике государства демократию и равенство с культурными особенностями людей? Ведь и в условиях равенства люди не откажутся от своих

¹¹ Бенхабиб Сейла. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М. 2003. С. XXXV.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. LII-CLIII.

В.М. Межуев. Глобальное и локальное в современном мире

культурных предпочтений. Равенство не ведет к ликвидации культурных различий, к культурной уравниловке и стандартизации, когда все как бы на одно лицо. В этой ситуации приоритетными для политиков должны, видимо, стать те ценности и нормы, которые в равной мере распространяются на всех членов общества. Очевидно, они могут быть только демократическими, предоставляющими каждому индивиду свободу культурного выбора — разумеется, если эта свобода не нарушает свободу других. Это не мультикультурализм с его консервацией особенностей, а именно демократия, позволяющая каждому самостоятельно осуществлять свой культурный выбор. Главное, чтобы этот выбор мотивировался не внешними обязательствами и предписаниями этнической или социальной группы, к которой он принадлежит по рождению и с которой его идентифицирует общество и государство (раз ты такой-то, то и веди себя соответственно), а его собственным решением, т. е. был бы не принудительным, а свободным. Только так можно и сохранять то ценное, что есть в культуре каждой группы, и одновременно прививать ей представления и понятия, необходимые для жизни в условиях современной демократии.

Для России, с ее многонациональным составом населения, демократическое решение проблемы культуры имеет особое значение. Если у населяющих ее народов с их культурными особенностями нет признаваемых всеми общих для них демократических ценностей и прав, что другое может заставить их жить вместе? Очевидно, только возвышающаяся над ними властная сила, а это, как известно, весьма ненадежное средство.

Будет ли в России дееспособная и адекватная элита?



А.Л. Андреев, доктор философских наук

Я вспоминаю в старом фильме «Нормандия — Неман» такой эпизод. Французский летчик говорит о летных заслугах другого и произносит: «Он сбил англичанина. Это так же трудно, как сбить немца». Вот и я скажу, что после В.М. Межуева выступать так же трудно, как и после А.И. Соловьева. Я заметил, что Вадим Михайлович начал с критики Данилевского, а закончил тем, что должны коммуницировать «миры». А стало быть, существование этих «миров» было им имплицитно признано. Получается, что Данилевский все-таки был прав: разум разный, и миры должны искать каналы коммуникации. Это некий итог, который я для себя вынес из дискуссии. Я вообще-то боюсь таких линейных схем, вроде той, которая была намечена в данном выступлении. В том числе потому, что мы часто принимаем за признаки «модернити» то, что в той или иной форме существовало уже очень давно. Так, мы говорим о сетевых структурах как о чем-то совершенно новом и почему-то забываем, к примеру, о том, что в Средние века католическая церковь фактически представляла собой именно сетевую структуру (конечно, на том уровне коммуникативной техники, которая тогда существовала). Что касается тенденции к преодолению национальных границ и границ национальной культуры (пусть не в массовом порядке, а хотя бы на уровне элит), то пожалуйста: XVIII век, версальская модель образованности, Фридрих II, пишущий по-французски о немецкой поэзии. Русские дворяне даже

А.Л. Андреев. Будет ли в России дееспособная и адекватная элита?

среднего достатка свободно перемещались по Европе — может быть, даже свободнее, чем представители нашего «среднего класса». Все это было, но потом начинается обратный процесс. Это естественно: история всегда развивается циклически. Поэтому я и говорю, что трудно все выстраивать в линейные схемы. Может казаться, что это следующий этап развития, а на самом деле это просто определенный отрезок некоторой фазы, которая через какое-то время сменится.

Насчет единомышленников — трудно сказать. Не знаю, как относительно либералов, но вот наши левые с европейскими, по-моему, никогда не найдут общий язык. Это очень трудно. Я по опыту сужу, поскольку достаточно хорошо знаю политическую среду в России. Почти невозможно нашим левым найти общий язык с европейскими левыми. Известно, что мы всегда легче находили общий язык с американскими правыми, несмотря на то что наша политическая философия, казалось, была от них гораздо дальше. У нас порой все обстоит как в анекдоте: что мы ни пытаемся сделать, все равно выходит автомат Калашникова. Вот и начиная любую дискуссию, мы обязательно в конце концов выходим на национальную идею. И сегодня тоже так получается. Я думаю, однако, что пора уже использовать другой язык и другой дискурс, потому что все жаркие споры о национальной идее показали свою малую продуктивность.

Однако возвращаясь к докладу, скажу, что в нем прозвучало немало интересных мыслей. Мне понравился термин «фундаментальные социальные константы». Они действительно обнаруживаются. Другой вопрос, что в ходе сегодняшней дискуссии их часто пытались из чего-то вывести дедуктивно. Но таким путем у нас обычно получают совсем не те константы, которые в самом деле реально существуют в обществе. Вот, например, расхожий миф о том, что россиянам присущ какой-то особый дух коллективизма. А.И. Соловьев верно заметил сегодня, что российский социум совсем не коллективистский, а скорее индивидуалистический. И я

могу его поддержать в этом совершенно конкретно, потому что мы эту проблему исследовали социологически, на эмпирическом уровне. Конечно же, не коллективизм, о котором постоянно все говорят, а именно индивидуализм, причем гораздо более жесткий, чем на Западе. И давно — примерно с середины 1950-х гг. Позднее советское общество уже было индивидуалистическим.

Но есть некоторые вещи, которые действительно являются константами для массового сознания и отечественной культуры. Это, к примеру, трудовая теория справедливости. Причем она реально бытует и среди тех слоев населения, которые, казалось бы, не должны быть носителями трудовой концепции справедливости. Неслучайно же сказал кто-то из современных либеральных теоретиков: «Мы думали, что средний класс должен нас поддерживать, что это естественная база либерализма, а он поддержал Путина, с его авторитарными устремлениями». Для россиян характерна интерпретация справедливости как воздаяния за некоторый «вклад» личности в общее благо, в общем случае — за ее трудовой вклад.

Допускается определенная степень неравенства, она может быть достаточно большой, но человек должен что-то сделать, он должен внести вклад, тогда его собственность и его доходы легитимны. Дальше: интерпретация права собственности на природные ресурсы. Примерно 80–85% считают, что лес, недра — все это должно принадлежать государству (или народу — это уже детали формулировки). В том числе эту точку зрения разделяет большинство и в среде преуспевающих предпринимателей, которые, по нормативным представлениям западного либерализма, должны были бы придерживаться совершенно противоположной позиции.

Главная проблема сегодня, на мой взгляд, — это не переход на уровень позднего модерна или постмодерна, как полагает В.М. Межуев. На самом деле теория модернизации очень противоречива. Глубокий Юг, о котором в свое время так

А.Л. Андреев. Будет ли в России дееспособная и адекватная элита?

много писалось, — это в конце концов тоже современность. Сообщества этого типа иной раз лучше приспособляются к современным условиям, в том числе к глобализации, чем мы с вами. Главное, повторяю, что это не умозрительные «критерии модернизированности», отражающие наши старые и зачастую неотрефлексированные идеологические тенденции. Главное — это дееспособная и адекватная элита. Элиту нам вырастить не удастся. Эта проблема преследует нас на протяжении всего XX века. Хуже всего то, что она у нас адекватно не осознается. То, что она не осознается наверху, — это понятно, потому что «Мы уже здесь». Но это не осознается и в обществе. В ходе социологических исследований мы задавали вопрос: «Что нужно для того, чтобы Россия вышла из кризиса?» Это закрытый вопрос, там было несколько позиций — введение эффективного законодательства и ряд других. Было там и формирование дееспособной национальной элиты. Этот пункт больше 4–5% никогда не набирал и был 8–10 по рейтингу. Общество не ощущает необходимости в формировании этой элиты. Это большая проблема.

О природе национальной идентичности



С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук; доктор политических наук

Я хочу коснуться только одного из акцентированных аспектов обоих докладов и дискуссии — проблемы идентичности и угроз, проистекающих из этнической, групповой самоидентификации. Вопрос применителен, конечно, к государственным границам, имея в виду судьбу России в меняющемся мире и сценарии развития, как было обозначено в первом докладе. Что же такого угрожающего можно увидеть в том, если двух людей, или две группы, или два населения отличает этничность? В чем тут угроза? «Ну, не хватает у нас рабочей силы, рабочих рук, заселяйте территорию страны. И слава богу, попросим Китай, он поделится 300 миллионами динамичных людей, они приедут, будут тут работать, осваивать земли, строить дороги, дома, заживем прекрасно». Но ведь что-то настораживает? В чем угроза?

Проведем мысленный эксперимент. Что будет через миллион лет? Будет ли этническая маркировка, различие, групповая идентификация? Будут ли, соответственно, национальные государства? Будут ли, соответственно, проблемы, которые мы сейчас обсуждаем? Смею футурологически утверждать, что не будет ни того, ни другого, ни третьего. Перемешивание идет в любых смыслах этого слова — и в генетическом, биологическом, и в социальном, в ценностном, в культурологическом.

Но миллион лет — это очень далеко. Есть более актуальные периоды, относительно которых можно реально гово-

ритель, применительно к обсуждаемым материям, к государственно-управленческой практике, к политикам, которые мы хотим как-то сформировать, рекомендуя от научного сообщества российским властям делать так или иначе. Мне кажется, что уже есть определенный горизонт, на котором эти рассуждения не бесполезны. Когда родилась этническая маркировка? Или, точнее, групповая маркировка? Почему на этих границах возникает чувство угрозы? В цивилизованном образованно-воспитанном личном варианте, согласитесь, не находишь в себе внутренних причин испытывать неприязнь к рядом сидящему человеку с другим цветом кожи или иными национальными признаками. Нет. Но как только ты попадаешь, скажем, в чужую страну, ты мгновенно чувствуешь русского на противоположной стороне улицы, и мгновенно хочется с ним сгруппироваться. Почему? Конечно, этот вопрос существует издревле, еще из «пещер». Он запрограммирован в нашем биологическом генетическом коде, в нашем социализированном, поведенческом, психологическом коде, как и в ценностном коде тоже. Выживание — вот этот код. В условиях ограниченности ресурсов и неких массивных угроз он естественным образом группирует людей — против горилл, которые хотели их съесть (зарождающихся наших предков), против каких-то еще неотмаркированных по принципу «я — свой». Вот если одной крови, то мы объединяемся и защищаемся от этих самых угроз. Осознав это, от прекраснодушия мгновенно переходишь к пониманию. Пока в современном мире есть ограниченность ресурсов, есть их дефицит, более того, есть нарастание проблем, связанных с нехваткой ресурсов, этот фактор будет очень действенным. Соответственно, Россия с ее значимыми в мировых шкалах энергетическими и другими природными ресурсами — это, конечно, объект притязания, объект вождения, и, конечно, это объект, испытывающий угрозы. И это субъект, испытывающий угрозу от внешних притязаний. Если мы это признаем, а наличие логики заставляет меня это признавать, то

этническая или национальная маркировка — идентичность, группирование — почти тождественны по своему происхождению существованию угроз.

Угрозы очевидны. Неизбежны реакции страны, ее руководства, общества на эти угрозы и выработка мер противодействия этим угрозам.

Сегодня уже говорилось, что одна из таких мер — это последовательная и планомерная инкультурация других этносов. Например, ребенок родился в России от афроамериканца, он черненький, он вырос в русской семье, он абсолютно идентичен, он русский. Это одна сторона вопроса. Вторая сторона вопроса — это эмиграция уже во взрослом состоянии. Здесь совершенно другая картина. Мы ее в Европе наблюдаем, она ведет к самосегрегации мигрантов, набору явлений, которые неизбежно ведут к реализации упомянутых угроз. А если взять из ранее приведенного примера о 300 млн китайцев, то русские, так же как сейчас в Прибалтике, превратятся в неграждан, граждан второго сорта, и ни о каком психологическом комфорте думать уже будет невозможно.

Отсюда рекомендации на практику властям: первое — это жесткие культурные фильтры, барьеры. Второе — это, условно говоря, ядерные фугасы на границе с Китаем, на боевом дежурстве, потому что когда пойдет лавина 300 млн китайцев, то никакими обычными вооружениями их не удержишь. Это я даю очень грубый, запредельный, концентрированный пример, который к реальной практике имеет весьма относительное отношение, но тем не менее. И третье: ведь Россия бы не вымирала, если бы не было столь бессмысленной и разрушительной социально-экономической политики современных властей. Я взял и перемножил несколько цифр. Стерилизовано из финансового оборота в стране сейчас 2 трлн долларов. Если дать каждой из переселившихся семей по 100 тыс. долларов, то мы сможем переселить 200 млн соотечественников, причем не просто переселить, а еще и дом для них построить в средней полосе. Но ведь этого не делается.

С.С. Сулакшин. О природе национальной идентичности

Эти средства выведены за рубеж и лежат на западных счетах в ценных бумагах западных банков и т. п. Это могло бы не только *столыпинскую*, а *стопутинскую* эпопею переселения в Сибирь и на Дальний Восток из центральных регионов, из нищающих социальных страт мегаполисов организовать. Это, конечно, научное требование, научная рекомендация на действия современных властей, мне кажется, очень отчетливо вытекает из тех многомерных, глубоких, философичных рассуждений и проблем, которые мы сегодня за этим столом обсуждали.



Дурис. Резвящиеся сирены. Ок. 480 г.

Россия пронизана духом Востока



Л.И. Никовская, доктор социологических наук

Мне понравились оба доклада тем, что они являются весьма симптоматичными для диагностики проблем социокультурной самоидентификации в современном глобализирующемся мире и определения позиции России в этом процессе: становится понятно, что страна находится в точке развилки. И важно, чтобы этот процесс не приобрел стихийного характера. Наша текущая дискуссия показала, что имеется много тонких нюансов и переходов, которые нужно учитывать. Например, мне бы хотелось коротко отметить следующие моменты: я, как социолог, который занимается исследованием реальных социокультурных идентичностей, в общем и целом соглашусь с В.М. Межуевым, что Россия действительно не может нормально перейти границу от *домодерна* к *модерну*. Я знаю, что есть результаты исследований, утверждающих, что современное население России отличается индивидуализмом. Но все-таки многочисленные и достаточно серьезные исследования экономической ментальности российского народа, проведенные по методикам голландского этносоциолога Герта Хофстеда, показывают обратное. И я больше доверяю им. Будучи всеми признанной и классической, методология Хофстеда привлекает к себе внимание со стороны ученых разных стран. По этому пути пошел российский социолог А. Наумов (а позднее ученики В.А. Ядова — Н.В. Латова, Ю.В. Латов), поставивший своей целью развитие идей и взглядов Г. Хофстеда¹.

¹ Сравнение России с зарубежными странами облегчается тем, что экономические культуры, согласно Хофстеду, сравниваются по трем очень удобным для нас параметрам: а) — «индивидуализм», т. е. параметр,

Л.И. Никовская. Россия пронизана духом Востока

Так вот, по интересующему нас признаку — «индивидуализму», (согласно шкале, где значение в 0 баллов характеризует отсутствие признака, а 100 баллов — максимальное присутствие признака) оценки для России получились следующими²:

Источник оценок	Индекс индивидуализма
Согласно Хофстеду Г.	50
Согласно Наумову А.	41

Для сравнения: самые высокие показатели «индивидуализма», согласно Г. Хофстеду, получены для таких стран, как Австралия — 90, Канада — 80, Нидерланды — 80, Бельгия — 75, Великобритания — 89, Германия — 67, Дания — 74, Италия — 76, Новая Зеландия — 79, США — 91 и т. д.³ Если привести данные к сопоставимому виду, то можно смело сказать, что Россия — это страна с явно выраженным коллективистским уклоном: ее индивидуализм составляет индекс 23 для реальной ситуации и 34 — для желаемой⁴.

В России также велик ценностный потенциал восприятия авторитаризма как нормы. Согласно тем же исследованиям, мы относимся к когорте стран с высокой фактической «дистанцией власти»: ее реальный индекс равен 77, хотя оптимальный, желаемый — 36. Качественная оценка влияния различных типов дистанций власти на хозяйственное поведение дана Г. Хофстедом следующим образом.

обратный коллективизму; б) — «дистанция по отношению к власти», т. е. степень выраженности авторитаризма, явления, очень близкого к государственному патернализму;» — «избегание неопределенности», т. е. параметра, очень близкого к понятию «традиционализм».

² Наумов А. Хофстедово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом // Менеджмент. 1996, № 3.

³ Hofstede G. Culture's consequences: Intern Differences in work-related values. Beverly Hills, L., 1980.

⁴ Экономические субъекты постсоветской России. Научный доклад. М., 2001.

Характеристика культуры в зависимости от величины дистанции по отношению к власти (по Хофстеду)⁵

Показатели	Малая дистанция по отношению к власти	Большая дистанция по отношению к власти
<i>Отношения зависимости</i>	Низкая потребность в зависимости	Высокая потребность в зависимости
<i>Отношение к неравенству</i>	Избегание неравенства	Неравенство признается нормой
<i>Иерархичность</i>	Иерархия только там, где это удобно	Иерархия как образ жизни
<i>Отношения между начальниками и подчиненными</i>	Начальники обычно доступны	Начальники часто недоступны
<i>Социальные изменения</i>	Эволюционные	Революционные

Нетрудно заметить, что положение дел в России едва ли не всегда и при любых политических режимах отлично соответствует характеристикам именно из последней колонки!

Еще одно важное измерение экономической культуры и ментальности, привлекающее внимание этносоциологов, связано с тем, насколько люди допускают в своей жизни наличие неопределенности и какой стиль поведения предпочитают в быстроменяющемся мире. Представители культур с высоким уровнем избегания неопределенности ориентируются на четкие правила и инструкции, отличаются потребностью к формализованным указаниям и нормам, высоким уровнем тревожности, склонностью к внутригрупповому согласию, а также низкой толерантностью к людям или группам с отличающимися идеями или поведением. Эти культуры больше сопротивляются любым изменениям и мало склонны к риску в какой бы то ни было форме. В культурах с низким уровнем избегания неопределенности принято толерантное

⁵ < <http://www.afs.org/efil/old-activities/surveyjan98.htm> >.

Л.И. Никовская. Россия пронизана духом Востока

отношение к двусмысленностям и неопределенности, субъекты в сложных ситуациях импровизируют или проявляют инициативу, в целом ведут себя и работают более спокойно и систематично, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску. В методике Г. Хофстеда этот параметр назван избеганием неопределенности или степенью, с которой представители определенной культуры воспринимают или реагируют на угрозу от неопределенных или незнакомых ситуаций. Формирование этой ценности корнями уходит, как полагал Г. Хофстед, во времена Римской империи, основанной на законе (нормах), и Китайской империи, базирующейся на общих выработанных культурой принципах (традициях). Уже в этих раннеклассовых цивилизациях довольно четко прослеживаются противоположность между «духом Востока», с его приверженностью к стабильности и традициям, и «духом Запада», готового «все потерять и вновь начать сначала, не пожалев того, что приобрел». Российская культура, оцененная по хофстедовой методике, демонстрирует сильное тяготение именно к «духу Востока».

Таким образом, по каким-то своим базовым показателям — мотивации, восприятия ценностей, которые к нам идут с Запада, — все-таки мы больше Азиопа, чем Европа. И вся проблема нашего реформирования состоит в том, что российская экономическая культура, согласно серьезным этносоциологическим исследованиям, больше тяготеет к восточному типу, но более привлекательным и престижным для России традиционно остается Запад. За основу реформирования постсоветской России все время берутся западные, крайне либеральные, модели.

Размышляя и поддерживая мысли, высказанные Александром Ивановичем Соловьевым о том, что Россия в социально-экономических и политических укладах страна гибридная, я хочу сказать, что гибридизация России вещь какая-то уникальная. Здесь происходит уникальная инвер-

сия. Если взять нефтегазовый Ханты-Мансийск, который действительно в чем-то, по стилистике, движется в сторону постмодернистского уклада, а копни глубже, более глубокие, базовые слои, внизу все-таки лежит какая-то архаика. В этом отношении мне нравится достаточно плодотворная методологическая идея Т.И. Заславской о более адекватном инструменте анализа процессов изменения в российском обществе через концепт «трансформация». Этим подчеркивается, что категории модернизации и переходного периода не выражают существа происходящих в России изменений в силу отсутствия жесткой предопределенности и заданности проекта преобразований. Концепция трансформации более адекватно описывает спонтанность и слабую управляемость процессов общественных изменений, поскольку акцентирует зависимость общественно-политических сдвигов не только от действий правящей элиты, но и массовых слоев общества, представители которых исходят из собственных интересов и действуют в условиях не вполне сформированной и не жесткой институциональной среды. Т. е. реально можно выделить «базовые» слои социокультурных паттернов поведения и мотиваций, «средние» и самые приближенные к «верхам», которые схватывают и впитывают алфавит социально-экономических и политических изменений и встраивают в свой образ жизни.

По поводу высказывания А.Л. Андреева о сетевых структурах: мы изучаем эти сетевые структуры на примере развития НКО-сектора в современной России. И что отмечаем? Наша НКО-среда, которая впитывает матрицу постмодернистского, сетевого общества, очень по-российски стратифицирована и поляризована, весьма конфликтна и очень не солидарна. Чувствуется, что точка опоры в ней вынесена вовне и связана не с самим гражданским обществом, а с верховной властью. Субъекты некоммерческого сектора постоянно испытывают проблемы с материально-финансовыми ресурсами, имеют слабую правовую защищенность и пос-

Л.И. Никовская. Россия пронизана духом Востока

тоянно загоняются чиновниками в режим «приводных ремней». Отсюда отечественные некоммерческие организации очень «разорваны» всеми этими проблемами, которые опять же рождаются из-за того, что мы не можем нормально перепрыгнуть от домодерна в модерн.

Все эти достаточно тонкие и сложные переходы говорят о том, что аналитику, вернее рефлексию, анализ нужно вести с учетом действительно очень сложных социокультурных наслоений, которые показывают, что не может быть таких черно-белых линий в выводах. Реальность более сложная и более динамичная.



Г. Земпер, К. Хазенауэр. Бургтеатр в Вене. 1874–1888 гг.

Сценарии против «врагов» России как сценарии против будущего России



В.П. Булдаков, доктор исторических наук

В двух представленных докладах мне больше всего понравились эпиграф к первому и одна из заключительных фраз во втором. Язытельность Дона-Аминадо смотрится почти пророческой: скоро мы действительно «совершенно обалдеем от способов спасения Руси». С другой стороны, вроде бы ненароком произнесенные вторым автором слова «Чего не делать?» (известные благодаря Г. Плеханову) могли бы, как мне кажется, развернуть дискурс нашего семинара в более практичном направлении.

«Спасать» Россию всегда особенно хотелось людям, вольно или невольно то ли в силу культурного, то ли географического отщепенчества *отчужденным* от ее социального естества — в общем, непритязательного, но «непонятого» настолько, что его трудно было разглядеть и из «переулков Пасси», и из тесноты хрущевских кухонь, в которых в известные времена билось «интеллектуальное сердце» одной шестой суши. Сегодня в очередной раз вместо того, чтобы в условиях постмодерна (реального или мнимого — в данном случае не важно) решать идентификационную проблему (также весьма поднадоевшую) «уловления знамений, веяний социальной динамики», докладчики накинулись на проблему «спасения России». От кого? Как водится, ото всех сразу. Налицо страхи, достойные отечественных деятелей типа Пуришкевича, писавших о «пылающем кольце окраин», опоясавших несчастную Россию. Но больше меня поразила ре-

анимация страшилки времен Русско-японской войны — о «желтой опасности». Неужели авторы не отдают себе отчета в том, что они двинулись по избитой колее, уверяя при этом, что сегодняшняя ситуация отлична от того, что было 100 лет назад?

Еще больше меня поразила ссылка на «головоломную проблему», якобы обозначенную Ф. Бродемом. Оказывается, если во всемирной истории козыри липли «не к тем рукам» (французский историк имел в виду цивилизационный гегемонизм), то пора обучиться их «правильно сдавать», т. е. попросту научиться политическому шулерству. И как же конкретно действовать? Поток рекомендаций на этот счет в точности соответствует тому, что уже пытались делать в советские (и не только) времена.

Строго говоря, в докладах все правильно с точки зрения оперативного реагирования на ситуацию *при неизменности* нынешнего внутривосточного состояния. Но кто сказал, что оно устойчиво, а главное, перспективно? Может быть, напротив, оно изначально катастрофично?

Империя (даже полуразрушенная) — это квинтэссенция традиции, имеющей выраженное онтологическое измерение. Но она вовсе не космополитична, она этноиерархична, поэтому взгляд на мир *ab imperio* всегда оценивающе-подозрителен — он привязан к внутренним дефинициям и преференциям. В нынешних условиях это усугубляется тем, что мы остаемся в состоянии *поставтаркистского* шока, будучи неуверенными в самих себе. Но при этом, как ни парадоксально, из постмодернистского образа мысли мы ухитрились усвоить привычку фамиллярничать и с прошлым, и с будущим (и при этом вздыхать об «утрате исторической преемственности»).

Будем откровенны: страхи, о которых было сказано, *вновь* (впрочем, как всегда) реальны, хотя и не столь новы. Даже разговоры о «реванше колоний по отношению к метрополии» или «нашествии аллохтонов» сродни извечным

страхам перед нашествием варваров. Но сегодня человечество «колбасит» чрезмерно, причем оно явно не справляется с причиной такого своего состояния. Интенсификация информационных потоков смешала символичное и реальное в человеческих головах — отсюда ощущение угрозы инфернального уровня.

Несомненно, основные действующие истории менялись и меняются. Заметно меняется в мире соотношение этнической и национальной идентичности (хотя у нас многие до сих пор считают, что это одно и то же), меняется самый образ власти — из сакральной она превращается в диффузную величину. Конечно, и демографическая угроза для русских реальна, и «белую расу» в целом надо спасать от физического вымирания. А потому действительно надо вести активную внешнюю дипломатическую политику, используя слабости сопредельных (и не только) стран. Но нет сомнения, что современные российские дипломаты плохо ли хорошо, но уже следуют прозвучавшим здесь рекомендациям. Им просто деваться некуда: из наезженной колеи российско-советской геополитики в нынешних российских *внутриполитических* условиях им не выбраться. Другое дело, что эти действия должны не только и не столько соответствовать духу времени, а содержать в себе разумно дозированный превентивный (а не ксенофобский) компонент. И чтобы подойти к очерченному комплексу проблем, надо бы сначала разобраться, настолько ли враждебен окружающий нас мир, решает ли он проблемы, аналогичные нашим, или, напротив, мы погружаемся в свое собственное болото вполне независимо от него.

Спрашивается, настолько в действительности устойчивы межкультурные стереотипы (среди которых в настоящее время, по-видимому, преобладает этносоциальный, а не этатистский компонент) взаимовосприятия народов? Лично я был шокирован, когда увидел на кафедре собора Парижской Богоматери негра, простите, чернокожего, пардон, афроевропейца. Дело, думаю, не в подсознательном расизме: сло-

жившийся у меня образ *исторической* Франции такого не допускал — случись такое во времена трех мушкетеров, прихожане, по моим представлениям, заорали бы: «Дьявол, дьявол!» Однако современные французские прихожане (а среди них черных было как-то незаметно) считали происходящее *нормой*. Мои эмоции, слава богу, для них ровно ничего не значили. Разумеется, из этого не следует, что во Франции нет этнических проблем, — напротив, об их существовании ныне хорошо известно. Но это проблемы совершенно *иного* уровня, которые также разрешимы, хотя, как видно, совсем по-другому. Как бы то ни было, опускаться на этнофобский уровень при подходе к культурно-идентификационным проблемам вряд ли разумно.

Изменить окружающий мир можно, изменившись самим. В данном случае даже тени таких намерений не заметно.

Я предпочел бы вести дискуссию не в духе «как спасти Россию», а как ее «обустроить» (хотя вовсе не являюсь поклонником идей А. Солженицына). Иной раз мне кажется, что чрезмерная увлеченность проблемами «спасения» — свидетельство болезненного состояния традиционалистского или, в лучшем случае, *посттрадиционалистского*, а вовсе не *модерного* и тем более *постмодерного* общества. Боюсь, что если болезнь будет прогрессировать, то в неизбежно глобализующемся мире Россия действительно не выживет. Для ее духовного здоровья полезнее было бы концентрироваться не на проблемах идентификации или «угрозах», а на внутренней способности противостоять чему бы то ни было в действительно неустойчивом мире.

Вообще-то историческая Россия существовала словно поверх тех страшилок, которые были сегодня перечислены. «На забвении национального эгоизма основано и все хорошее у нас в России: и русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое у греков, и то заимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы, не было бы и

вашего славянофильства»¹ — так отвечал В.С. Соловьев славянофильствующим алармистам своего времени. С течением времени может показаться, что тревоги нашего времени в прописях всемирной истории имеют совсем иную *метанаррацию*. Не нужно думать, что мы живем в столь уж особенном, отличном от прошлого мире, — даже резкое потепление климата в принципе можно использовать на руку продовольственно зависимой России.

К сожалению, когда мы говорим об этнических проблемах, то имеем в виду более знакомые для нас «евразийский» и североамериканский регионы. А между прочим, есть страна, где люди почти перестали реагировать на цвет кожи. В Бразилии можно наблюдать, как белые, черные, желтые спокойно играют во дворе за столом в карты — так, как у нас играют в домино: на североамериканском континенте со всей его толерантностью, политкорректностью, гласными и негласными «процентными нормами» *такое* невозможно. Здесь же *внутри*этнической проблемы вроде бы не существует — возможно, это результат антирасистского закона, принятого еще в первой половине XX века. Однако обнаруживается другое: здесь не любят говорить на английском языке даже знающие его люди — сказывается негативный (даже для белых) образ *гринго*. Восприятие «чужого» весьма пластично, причем степень этой пластичности в современном мире возрастает.

Даже в Японии — стране, переживший века суровой автаркии, — образ «гайджина» (*любого* иностранца, подсознательно воспринимаемого как не вполне достойного почтения) заметно потускнел, хотя люди этой страны при всем своем искреннем дружелюбии по-прежнему *внутренне* весьма закрыты для «чужих». Кстати, внешние этнопредпочтения существуют и здесь, и они также меняются. Так, совершенно определенно можно сказать, что образ русского *меняется* (сейчас не в лучшую сторону), но представления о

¹ Соловьев В.С. Соч. в 2 тт. Т. 1. Философская публицистика. — М, 1989. С. 298–299.

русской культуре (благодаря попсе) остаются относительно стабильными.

В первом докладе был поставлен вопрос о морфогенетике российской социальности. А надо бы просто раскрыть глаза: социальности как таковой (в естественном, а не суррогатном смысле слова) у нас попросту нет. Другой вопрос — почему?

Иногда мне кажется, что и славянофильство, и западничество — два симптома одной и той же болезни культурной неприкаянности, намертво прилепившейся к российским, с позволения сказать, элитам, и обернувшейся комплексом неполноценности. Стоило бы не забывать, откуда сия напасть происходит. На мой взгляд, так называемая Русская идея — это всего лишь обращенная (этатизированная) форма манифестации реально существующего *российского способа производства*. Суть его хорошо известна из работ С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Если Россия строилась как «вотчинное» государство, если ее экономика опиралась не на рыночный, а на «сдаточно-раздаточный» (редистрибутивный) механизм, если элементы общественности (в виде «лишних людей») возникли как побочный результат раскрепощения первейшего сословия² — дворян, то откуда было взяться обществу в широком смысле слова, продуцирующего реальные общенациональные (а не «общечеловеческие» и утопические) идеи? Вероятно, совсем не случайно возникла дилемма «антиобщественное государство — антигосударственное общество» (П.Б. Струве), которая была разрешена в форме государства, которое вынуждено само конструировать «общество», призванное скрыть его самодержавно-бюрократическую или номенклатурно-олигархическую суть. Разумеется, рынок — этот естественный компонент существования общества — существовал всегда, но скорее в той мере, в какой он *допускался* государством. В той же мере власть порой *вынуждена* допускать существование общества, а не просто подданных, нагруженных целым спектром обязанностей пе-

² Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России. М., 2006. С. 99–110.

ред государством. А в общем, мы имели дело скорее с *этаномикой* — государственно-определяющей формой существования народного хозяйства и соответствующей социальной среды. В этой системе «рынок» и «демократия» знаменуют скорее этапы периодического одряхления власти, нежели то, без чего российская система обойтись не может. Именно поэтому Россия с такой легкостью в очередной раз «справилась с демократией», а некоторые придворные «аналитики» тут же объявили это высочайшим достижением «российской цивилизации».

Второй докладчик ставит вопрос о том, как переформулировать Русскую идею. Тоже очень просто: перенести в ней центр тяжести с власти на идею воссоздания *общества*. Креативный потенциал России, как было сказано уже не раз, в современных условиях может быть связан только с активизацией творческого начала личности через новую форму общественного солидаризма. А потому для начала государству не стоило бы так усердствовать во внутривластной области, а нам не позволить заразить себя фатализмом в духе «фундаментальной ритмодинамики» российского исторического процесса.

Из непонимания возникшей (скорее у нас, а не во внешнем мире) ситуации и составилась нынешний парадокс российского идентификационного процесса: для того чтобы *дожить до будущего*, государству необходимо создать «тепличные» — теперь именно так! — условия и для формирования нормального рынка, и для складывания собственно общества. Возможно ли это при условиях, когда вместо этого все силы в очередной раз направлены на создание «партии власти», которая готова объявить себя «партией народа», т. е. еще одним суррогатом общества? Я сомневаюсь. А потому надо бы искать не «врагов», а *друзей* России внутри нее самой.

Заключительное слово докладчиков

В.В. Ильин:

Благодарю за высказанные суждения. Соответственно, все уничижительные квалификации отношу на счет отсутствия присутствия. Тем не менее некую акцентуацию мысли надо провести.

Итак, начну с очевидного тезиса, что человечество расчленено по национально-государственному признаку. То, что противостоит процессам глобализации, есть, грубо говоря, дубина национально-государственная. Россия была империей, ее развалили, не будем говорить как. Ошибка тех, кто считает, что имперские дела завершили свое пребывание в мировой истории, состоит в первую очередь в том, что США остались империей и чувствуют себя совсем неплохо. Империя — это высококачественный продукт исторического развития. Надо иметь в виду, что если Россия формировалась веками как империя, то ее нужно возродить как империю, иначе ничего не получится.

Идентичность России, что вскользь было сказано, — это этатизм. Величие нашей нации всегда покоится на силе государства. У нас если кризис государства, то кризис всей нации. Нигде этого нет, но у нас это есть.

Глобализм, с одной стороны, проводит унификацию, векторизацию. Возьмем регистр державного устройства. Как идет вектор развития? Прогрессивно. Была потестарная стадия, дальше, грубо говоря, утвердился абсолютизм. Это и монархизм, и цезаризм, и бонапартизм, и хунтизм. Дальше конституционность, парламентаризм, республиканизм, демократизм. Вот векторизация по этому основанию только мировой истории. Это соответствует тому, что прогресс истории идет с наращиванием свободы. Я хочу сказать, что противостоять такой тенденции глобализма бессмысленно,

она есть. Ее надо учесть с конструкцией традиционной имперской истории России. Наш исторический опыт показывает: достичь баланса пока не удастся. Но он же показывает, что мы не кредитоспособны с точки зрения выживания в отсутствие империи. Таким образом, задача состоит в том, чтобы совместить имперский опыт с векторизацией движения демократизма.

Классики нас всегда учили, что национальные государства будут отмирать. С точностью до наоборот я вывожу идею усиления роли национального государства при вступлении человечества в фазу дефицитного развития. Если человечество вступает в фазу дефицитного существования, утрируется роль национального государства, а если применить ситуацию к России, если она держатель 1/6–1/8 планетарной суши, все потенциальные резервные ресурсы — наши. Большой вопрос, насколько мировое сообщество даст нам еще пребывать в беспорядке и не эксплуатировать все богатства. Ведь по разработанным ресурсам Россия бедная страна. Механизм империи, с одной стороны, обеспечивает суверенитет, обеспечивает выживание, поскольку Россия — это универсальный запасник и заказник природных ресурсов. Очень скоро все интересы будут на нашей земле. Я не вижу перспектив выживания без подобной реконструкции.

В.Г. Хорос:

Всем выступавшим большое спасибо. Пунктирно отмечу главное и самое важное для нашего взаимопонимания. В основном мои соображения касаются выступления В.М. Межуева.

Универсалистский подход и концепт локальных цивилизаций друг другу не противоречат. Поясню. Универсальный аспект эволюции человечества основан, если кратко, на единстве природы человека. Но эта единая природа человека себя проявляет в видовых различиях — локальных цивилизациях. И слава богу, потому что это, так сказать, культурный генофонд человечества, так же как богатство растений и т. п. Если мы придем к единой цивилизации, это будет конец, вырождение. Локальные цивилизации друг от друга отличаются, но они же друг друга дополняют.

Второе — относительно того, что Россия не перешла к модерну. Существует целый ряд работ (Яковенко, Пилипенко, Ахиезер), где Россия (СССР) объявляется традиционным обществом. Ничего подобного. Проблема России не в этом. Проблема в том, что в России переход от традиционного общества к современному был частичным, неполноценным. Вот в этом все дело.

Современная Россия отнюдь не традиционное общество. Как вообще осуществлялся этот переход? Запад переходил длительно, постепенно, а потому органично. В последующих модернизациях уже возникали сложности. Тем не менее Япония сумела перейти, Китай переходит, Индия тоже переходит, с исламским миром сложнее, но все равно принцип тот же самый. Переход к модерну идет при удержании некоторого социокультурного ядра, которое находится в домодерне. Проблемы России состояли в том, что в процессе модерни-

зации у нее периодически возникают различные диспропорции, которые приводят к появлению люмпенства, социокультурного люмпенства. Для этого слоя традиционная культура уже утрачена, а в современную он еще не вошел. Мы имели такие выбросы люмпенства в разное время. Сейчас наша управленческая верхушка тоже этому подвержена, не в том смысле, что она безграмотна, а в том, что она находится в культурном вакууме — почвенные традиции отрицает, а западную культуру восприняла в упрощенном, если не сказать карикатурном, виде.

Третий момент — о постмодерне. Есть такой расхожий миф, что в центре постмодерна находится личность, государство и различные коллективные формы теряют значение. Я, честно говоря, не вижу сегодня личностей. Я вижу массовое общество, почти толпу, управляемую и манипулируемую ловкими технологиями.

Думаю, что я был неправильно понят насчет того, что все зло в Западе. Я говорил только о некоторых трендах, которые действительно возникают в сегодняшней эволюции Запада. Запад не исчерпывается теми рисками и угрозами, которые от него исходят, но игнорировать эти риски и угрозы тоже нельзя. Фашизм, между прочим, родился на Западе, в Европе. Западное общество, как и всякое общество, амбивалентно, неоднозначно. Но на сегодняшнем Западе, как мне представляется, есть признаки отказа от собственных же цивилизационных достижений, рационализма, гуманизма и т. д. Между тем завоевания модерна должны остаться, мы от них никуда не денемся.

⊕

**Тематическая программа научного семинара
«Цивилизационный контекст
и ценностные основания российской политики»
на 2008 г.**

1. *Март.* Контуры эпохи Постмодерна: новый цивилизационный контекст. Россия в Новом мире.
2. *Апрель.* Глобализм и цивилизационная идентичность России.
3. *Май.* Феномен русской власти: преемственность и изменчивость.
4. *Июнь.* Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте.
- ⊕ 5. *Сентябрь.* Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. ⊕
6. *Октябрь.* Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики.
7. *Ноябрь.* Россия и Запад: что разделяет?
8. *Декабрь.* Российский выбор: демократия vs. авторитаризм.

⊕

**Список участников семинара
«Цивилизационный контекст и ценностные основания
российской политики»**

Андреев Андрей Леонидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса.

Бондаренко Дмитрий Михайлович, Институт Африки РАН, редактор книжной серии «Цивилизационное измерение».

Булдаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

Галкин Александр Абрамович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

⊕ **Гиренок Федор Иванович**, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. ⊕

Журавлев Валерий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Новейшая история России» Московского государственного областного университета.

Казинцев Александр Иванович, заместитель главного редактора журнала «Наш современник».

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, публицист левопатриотического направления, теория советской цивилизации.

Казин Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского университета, заведующий сектором Института истории искусств (Санкт-Петербург) (русская эстетика, православные начала русской культуры).

Красин Юрий Андреевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Лексин Владимир Николаевич, доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН.

Межуев Вадим Михайлович, доктор философских наук, Институт философии РАН.

Неклесса Александр Иванович, заместитель генерального директора Института экономических стратегий ООН РАН.

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Пономарева Елена Георгиевна, кандидат политических наук, доцент МГИМО (У) РФ.

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

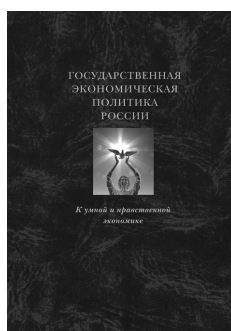
Сулакшин Степан Степанович, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН.

Фурсов Андрей Ильич, кандидат исторических наук, директор Института Русских Исследований Московского Гуманитарного Университета.

Хвыля-Олинтер Андрей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент Белгородского государственного университета, проректор по научной работе БДПС, священнослужитель.

Хорос Владимир Георгиевич, доктор исторических наук, руководитель Центра проблем развития модернизации ИМЭМО РАН.

В ЦЕНТРЕ ПРОБЛЕМНОГО АНАЛИЗА И ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ:



Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. В 5 т. М.: Научный эксперт, 2008.

В не имеющем аналогов пятитомном труде большого авторского коллектива предлагается фундаментальная государственно-управленческая платформа модернизации состояния экономики и экономической политики России. В целенаправленном научно-экспертном исследовании были впервые соединены методы и знания фундаментальных наук (философии, истории, права, физики и математики), прикладных (экономики, политологии, социологии, психологии, демографии, экологии, менеджмента), отраслевых наук (по видам экономической деятельности и иным сегментам экономики) и специально разработанные методы проектирования государственно-управленческих практик. Специальные методы анализа, верификации результатов, прогнозирования последствий предлагаемых управленческих решений повышают практическую значимость работы. Ее главным итогом является пригодная для реализации программа действий, дающая практикующим властям своеобразную «дорожную карту» для дальнейшего социально-экономического развития страны.

Значимый вывод о неприемлемости сформировавшейся в 1990-е гг. и начале XXI в. (по состоянию на 2007 г.) российской экономической политики сделан в работе на основании четких и системных ценностных критериев, которые указывают на расходящийся характер процессов развития, ведущий к критическим рискам и угрозам. Предложены конкретные меры по исправлению экономической политики в каждом ее сегменте. Системообразующими принципами конструктивной части работы выступили: переход от институционального к ценностному целеполаганию в государственном управлении, введение понятия «социальный гуманизм», соединяющего экономическую и социальную политики, принцип трехпериодного планирования, связывающий текущее, средне- и долгосрочное управление и принцип устойчивости развития.

Работа адресована прежде всего российским властям всех уровней и может быть полезна специалистам в сфере экономики и государственного управления.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин
Идеология экономической политики: проблема российского выбора. М.: Научный эксперт, 2008

В монографии подводится итог междисциплинарного исследования, определившего базовый облик новой национально ориентированной идеологии российской экономической политики. Через привнесение в экономический дискурс категории «ценность» формулируется новый в методологическом отношении подход к анализу хозяйственных феноменов и государственной экономической политики. Формирование новой идеологии представлено в контексте мировой философско-экономической мысли. Дан развернутый анализ теории и практики либеральных и неолиберальных концепций. Особое внимание уделено монетаристскому направлению в экономической теории. Как идеомиф оценивается представление об абсолютных саморегуляционных возможностях рынка. Доказывается неуниверсальность и предвзятость оценочных критериев и международных рейтингов экономической развитости национальных экономик. Российские реформы 1990-х гг. рассматриваются в контексте мировых экономических трендов и опыта реформирования экономик переходного типа. Определяются ролевые функции современного государства в управлении экономическими процессами.

Выдвигаемые положения подтверждаются широким спектром исторических примеров и статистическим материалом.

Научное издание

Глобализм и цивилизационная идентичность России

Материалы научного семинара
«Цивилизационный контекст
и ценностные основания российской политики»

Выпуск № 2 (11)

*Редактор А.Н. Чирва
Технический редактор О.А. Середкина
Художественное оформление С.Г. Абелина
Компьютерная верстка О.П. Максимовой
Корректор Л.В. Ремова*

*Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
[http: www.rusrand.ru](http://www.rusrand.ru)*

*Сдано в набор 24.06.2008 г.
Подписано в печать 27.06.2008 г.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 7.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Тираж 500 экз. Заказ 700.*